

Свинцовые ливни

ТОМ 2

Мила Багурова

Мила Бачурова

Свинцовые Ливни. Том 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72115135

SelfPub; 2025

Аннотация

Бьют свинцовые ливни. Мы вернем миру справедливость.

Примечание автора:

Второй (и последний) том дилогии.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	25
Глава 4	38
Глава 5	51
Глава 6	62
Глава 7	76
Глава 8	90
Глава 9	102
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Мила Бачурова

Свинцовые Ливни. Том 2

Глава 1

Локация: Зеленый округ, Юго-Западный сектор.

Жилая зона, Лазурный квартал

– Всего доброго.

– До свидания, господин патрульный.

Виктор вышел из дома очередного жалобщика, бросил взгляд на браслет.

Как же медленно тянется время! После его возвращения в Грин, с того момента, как их с Софией разделили, оно будто застыло.

Неделя обязательной изоляции ушла на составление отчётов о том периоде, что Виктор провёл в Милке. Он постарался описать происходившее максимально честно, умолчал лишь о роли, которую сыграл в этом Крус – отвоёвав для него скутер. А Софию представил свидетельницей того, как крепил датчики к мотоциклам в многоэтажке Лао.

Виктор помнил каждое слово из тех, что было сказано между ними.

– Тебе когда-то говорили, что у парней Лао можно раздо-

быть сильные транквилизаторы. Кто говорил, не помнишь, это было давно. Началась вспышка. Ты запаниковала. Это первая твоя вспышка, которую предстояло провести в одиночестве. Ты вспомнила про этих парней. Попробовала обратиться к ним, купить таблетки, но тебя выставили. Когда выходила, наткнулась на меня. Я крутился возле мотоциклов. Ты удивилась, начала задавать вопросы – откуда я взялся и что здесь делаю, а я объявил, что ты едешь со мной.

– Думаешь, поверят? – София прижималась к нему.

Обхватила за пояс, чтобы не упасть, уткнулась подбородком в его плечо и говорила на ухо, иначе Виктор не слышал.

Разговор они вели на ходу – на то, чтобы останавливаться, не было времени. Обернуться Виктор не мог, здешним скутерам необходим был живой водитель. Иллюзий по поводу своих водительских навыков не питал, в последние двенадцать лет в Грине его возила автоматика. А здесь, в Милке, приходилось следить сразу за всем, в том числе за покрытием под колёсами. Первое, что он сделал, оседлав экспропрированный Крусом скутер – влетел в яму. Хорошо, что скутер оказался крепким.

– Им придётся поверить, – крикнул Виктор в ответ на вопрос. – Другой-то версии не будет. Главное, не сбивайся! Тверди одно и то же. О своей жизни рассказывай правду, тебе скрывать нечего. Ты в данных обстоятельствах – жертва произвола. Тем, что вывез тебя из Милка без официального Согласия, я превысил служебные полномочия Эс-Ди. Те-

перь, в рамках программы защиты свидетелей, тебе обязаны предоставить убежище.

– А что будет с тобой? – голос у Софии дрогнул.

Руки, обнимающие его, сжались крепче. Она, кажется, даже о смущении забыла. До сих пор чувствовала себя неловко, Виктор готов был спорить на последний грош, что никогда прежде прижиматься к мужчине храмовой служительнице не доводилось. Но спросив, что будет с ним, забыла обо всём.

– Меня отстранят от расследования.

Виктор хотел добавить, что в его положении это, пожалуй, самый удачный расклад, но промолчал. Не стоит волновать Софию ещё больше.

– А там, где буду я... Мы с тобой увидимся?

– Конечно. После того, как всё закончится, тебе выдадут браслет, и ты сможешь в любой момент со мной связаться.

Ложь во спасение – не ложь. Этому эсдиков учат ещё на первом курсе. Для того, чтобы успокоить паникующего человека, разрешено говорить всё, что угодно.

– А... твоя девушка?

– С моей девушкой тоже сможешь связаться, – отшутился Виктор, – если захочешь. Так! Повтори ещё раз, что ты будешь отвечать на вопросы?

Возле КПП Виктор и София оказались за полторы минуты до закрытия границы. Их тут же разделили, направили

в карантинные блоки. И после этого они виделись лишь однажды, на очной ставке. София не подвела – ответы, надиктованные Виктором, повторила слово в слово. После этого ей, как и следовало ожидать, предоставили муниципальное жильё в квартале для депортированных. Определили на работу. Виктора разжаловали в патрульные. От расследования, естественно, отстранили.

Что делает Штольц с его наработками дальше, Виктор не знал и не стремился узнавать. Догадывался, что при попытках выяснить это наткнется на стену покрепче, чем между Милком и Грином...

Неважно. София жива и здорова. Он спас её. Успел появиться раньше, чем случилось непоправимое.

Бросившись искать Софию вместо того, чтобы охотиться за Бангом, Виктор понимал, на что идёт. Увидев тёмные окна квартиры, догадался, что могло случиться с девушкой, и бросился на выручку. Теперь расплачивался за свой порыв.

Если Ливней схватят, об этом станет известно каждому. Если неуловимая четвёрка продолжит свое чёрное дело, тем более. Его это в любом случае больше не касается. Разговоры на эту тему с Люцией Виктор решительно пресекал. Так же, как разговоры о Софии.

– Меня ничего с ней не связывает, – отрезал Виктор. – Ты ведь знаешь, что я не стал бы тебя обманывать.

Люция грустно покачала головой.

– Я уже ничего не знаю, Вик. После возвращения ты стал

сам не свой! Очень изменился.

С этим Виктор не спорил. Четыре дня, проведенные в Милке, перевернули его жизнь. И дело было не в разжаловании. Увозя Софию, он понимал, что по головке его не погладят, был к этому готов. Безмолвно вытерпел ворох свалившихся на него психологических тестов и бесед с дознавателем. Разжалование принял, как должное. Через два дня после того, как дознаватель закончил работу, приступил к службе патрульного.

Он опрашивал жалобщиков, сдавал отчёты. А сам неотрывно думал о Ливнях. Отчего-то всё более убеждаясь в том, что ни один из «соколов» или «королей» на эту роль не подходит. Чем дальше, тем больше казалось, что его обвели вокруг пальца. Заставили преследовать не тех, кого нужно. Эти парни – гораздо хитрее, чем кажутся.

«Мы вернем миру справедливость»...

Вот откуда надо плясать, – думал Виктор. Не бежать по следам, в которые нас тычут, словно охотничьих собак, а думать. Что за цель преследуют Ливни? Чего они добиваются?

Виктор изучил биографию Габриэля Грифа. Теперь, после того, как воочию увидел запретные гонки, многое повернулось другой стороной.

Гриф родился и вырос в Зелёном округе. В юности пытался сам заниматься спортом, но быстро решил, что дело это слишком рискованное. Спортивный менеджмент не опасен и гораздо более прибылен. Гриф перешёл сначала на тренер-

скую работу, потом курировал детские спортивные школы в Грине. А затем вдруг занялся тем же самым в Милке.

В новостях двадцатилетней давности это решение Грифа сопровождалось рукоплесканиями. Молодой талантливый тренер бросил чистеньких, воспитанных детишек Зелёного округа ради того, чтобы помочь совсем другим ребятам! Восторженные статьи сопровождались фотографиями – улыбающийся Гриф в окружении детей из Милка. Лайки, восторги, милые комментарии.

Еще месяц назад Виктора это обмануло бы. Сейчас, послушав Круса, он начал понимать, что на самом деле стояло за человеколюбием Грифа. Его, конечно, разжаловали, но доступ к служебным системам, пусть ограниченный, остался. Потратив некоторое время, Виктор узнал, что материальное благополучие Грифа начало расти с момента его перевода в Милк.

Виктор задумчиво листал фотографии, на которых Гриф был изображен с детьми. Он курировал спортивные школы без малого десять лет. За это время многие детки успели подрасти. И, вероятно, кто-то из них узнал, чьему решению был обязан спортивными успехами. Или поражениями – в зависимости от толщины кошелька родителей.

Провернуть подобное в Грине было почти невозможно. А вот в Милке... Когда Виктор задумывался о масштабах того, что происходило там под прикрытием спортивных мероприятий, у него начинала кружиться голова. Гриф ведь – не

единственный спортивный менеджер. Сколько ещё было таких, как он?

«Мы вернем миру справедливость»...

Кто ты? – думал Виктор, всматриваясь в фотографии детей, окружающих Грифа. Казалось отчего-то, что мальчик, выросший и взалкавший справедливости, должен быть одним из них.

Виктор запустил программу, идентифицирующую личности. Всего набралось двадцать пять парней. Три фотографии оказались забранными в траурные рамки, этих уже нет в живых. Людей не старше тридцати лет от роду – нет в живых... Виктор вывел на экран домашнего тубуса данные по оставшимся двадцати двум и начал просматривать.

Звонку, поступившему на браслет, удивился. Даже бросил взгляд на цифры, показывающие время – убедиться, что ничего не путает, и сейчас половина двенадцатого. Лючия никогда не звонила так поздно. Она считала, что главный залог красоты – своевременный, здоровый сон.

– Алло? Что случилось?

– Ни в коем случае не соглашайся! – выпалила Лючия. –

Он не имеет права настаивать!

– О чём ты? – Виктор никогда не слышал, чтобы она говорила так взволнованно. – На что не соглашаться?

– Ты что, не видел новости?

– Нет. Сто лет их не смотрю. – Договаривая, Виктор щёлкнул вкладку новостного канала.

Темнота. Выстрелы.

Мы вернём миру справедливость.

Глава 2

Локация: Зеленый округ, Юго-Западный сектор.

Жилая зона, Квартал холостяков

– Я более чем уверена, что Штольц сейчас позвонит тебе, – продолжала возбуждённо говорить Лючия. – Так вот: напомни ему, что ты отстранён от расследования! Что это больше не твоё дело! И тем, что вернёт тебе звание, Штольц ничего не добьётся!

– Перестань. – Виктор поморщился. – С чего ты взяла, что он будет мне звонить? В участке хватает народа без меня.

– Хватает. Только почему-то, как только речь заходит об этих проклятых Ливнях, Штольц бежит к тебе!

– Так было раньше.

– Так будет и в этот раз, вот увидишь!

Лючия продолжала говорить, но Виктор слушал вполуха.

Взгляд зацепился за бегущую по экрану строку:

«Новой жертвой неумолимой четверки стал Ростислав Старк. 67 лет, спортивный обозреватель».

Спорт! Опять.

Значит, интуиция его не подвела. Виктор отчего-то не сомневался, что связь между Габриэлем Грифом и новой жертвой существует.

В момент, когда переносил в программу, предназначенную для выявления связи между людьми, имена Грифа и

Старка, звонок Лючии перекрыл новый.

Штольц.

– Я перезвоню, – сказал Виктор.

– Вик! Это ведь Штольц? – всполошилась Лючия. – Я слышу, что идёт второй вызов!

Виктор не ответил. Переключился.

– Ковальски. Слушаю.

Разговор со Штольцем получился коротким.

– Здравствуй, Вик. Прости, что беспокою. Ты, вероятно, уже в курсе...

– Здравствуйте. Да. Как раз смотрю новости.

– Хочу, чтобы ты знал. Я был против твоего отстранения.

– Вот как? – усмехнулся Виктор.

– Разумеется. Я прекрасно понимал, что ты не стал бы нарушать Инструкцию, не имея для этого достаточных оснований. Но не подчиниться не мог. Ты ведь знаешь правила.

– Знаю.

– Я абсолютно убежден, что по делу Ливней должен работать ты.

– И только сейчас решили мне об этом сказать?

– Вик... – Штольц помолчал. – Ты, безусловно, вправе иронизировать. И если откажешь, пойму. Но задать тебе вопрос я обязан. Ты готов работать дальше?

Виктор хмыкнул.

– Интересно, каким образом буду это делать, оставаясь патрульным? Или вы взмахнете волшебной палочкой, и ко

мне сию секунду вернётся звание – при том, что на разжалование ушло почти три недели?

– Я подал апелляцию. Если хочешь знать, сделал это сразу после твоего отстранения.

– Вы не говорили.

Штольц вздохнул.

– Мы с тобой и не общались. Ты был расстроен. Я это понимал и не трогал тебя. Сейчас ситуация изменилась.

– Настолько, что я, будучи патрульным, смогу принять на себя обязанности детектив-сержанта?

– Не совсем так. Но работать по делу дальше ты сможешь. Если согласен, я объясню в деталях. Мне важно понимать, готов ли ты заниматься Ливнями.

Готов ли он заниматься?.. Виктор посмотрел на десятки открытых в тубусе документов и вкладок.

– Вик, – вздохнул Штольц. – Я работаю в Эс-Ди вот уже тридцать лет. Поверь – если бы у меня была хоть тень сомнения в том, что тебя по-прежнему интересует это дело, я бы не звонил.

Звонок Лючии Виктор сбросил, уже одеваясь. Отправил сообщение: «Поговорим завтра. Доброй ночи».

Лючия не ответила. Обиделась.

Штольц дожидался Виктора в участке.

– Расскажешь, какие ещё идеи у тебя появились?

Он, похоже, действительно не сомневался в том, что Вик-

тор продолжает думать о Ливнях.

– Спорт.

Виктор уселся в кресло, стоящее напротив стола в кабинете Штольца. Здесь всё было по-прежнему. Как будто ничего не изменилось. Как будто он всё ещё детектив-сержант.

Почти каждую ночь снилось, как он приходит на работу. Как включает тубус, перекидывается репликами с коллегами. Как садится в это кресло в кабинете шефа...

– Спорт? – переспросил Штолец.

Выглядел он не очень. Находясь в Милке, Виктор сказал бы «хреново». Запавшие скулы, резко обозначившиеся морщины, тёмные круги под глазами. Виктор впервые задумался о том, что его начальник уже очень не молод.

– Шеф. Вы хорошо себя чувствуете?

– Да, – резко ответил Штолец.

Что-то новенькое. Никогда раньше не разговаривал таким тоном.

– Я прекрасно себя чувствую. – Штолец провёл ладонью по лицу, будто пытаясь стереть утомление. Опустил руку, через силу улыбнулся. – Просто устал, извини. В последнее время было много работы... Давай перейдём к делу. Итак. Спорт?..

Ещё по дороге в участок Виктор решил, что передавать Штольцу информацию, полученную от Круса, не будет. Ничего хорошего из этого всё равно не выйдет. Доказательств у него нет, а голословные обвинения «уважаемых людей»

в коррупции Штольц даже слушать не станет. Такие люди, как Гриф и Старк – священные коровы. По крайней мере до тех пор, пока не появилось стопроцентное подтверждение того, что занимаются противозаконной деятельностью. А у Виктора нет ничего, кроме подозрений – значит, не стоит и затевать разговор.

– Я подумал о том, что если у двух последних жертв и есть какие-то точки соприкосновения, то это профессиональная деятельность, – сказал Виктор. – Оба они, так или иначе, имеют отношение к спортивным командам. А Гриф десять лет назад ещё и работал в Милке. Курировал спортивные школы.

Штольц нахмурился.

– Пока не понимаю, прости. Школы? При чем тут школы?

– При том, что за эти годы дети успели вырасти. Многие из тех парней, с которыми когда-то работал Гриф, сейчас – мои ровесники. И если кто-то из них затаил обиду на спортивного менеджера...

– Вот оно что, – задумчиво проговорил Штольц. – Ты полагаешь, что это месть?

– Возможно.

Штольц покачал головой.

– Но это ведь не сопоставимые по тяжести вещи! Обречь человека на жестокую смерть из-за того, что сопливый мальчишка десять лет назад проиграл в спортивном состязании? Прости, но это очень странно.

– В Милке случаются и куда более жестокие смерти, – не сдержался Виктор. – По гораздо менее весомым поводам. Иной раз – вовсе без повода. На своей гипотезе я не настаиваю. Просто подумал, что один из тогдашних подопечных Грифа мог вырасти и стать одним из Ливней.

– Что ж, может, ты и прав. Обсудим позже. А сейчас я прошу тебя поехать вместе с Гамовым на осмотр места преступления.

Виктор приподнял брови:

– С Гамовым?

– Самостоятельно действовать ты не можешь. Формально...

– ... меня там вовсе не будет, – сообразил Виктор. – Ладно, понял. А какая-то информация по убийству уже есть? Те датчики, которые я закрепил... Ливни их обнаружили и сняли, так?

– Нет, – мрачно сказал Штольц.

– Что? – Виктор аж приподнялся. – Но ведь, если датчики не сняли...

– Не сняли. Два часа назад появились сразу три сигнала.

– Три? – переспросил Виктор. – Не четыре?

– Именно. Хотя на Старка напали четверо, в этом сомнений нет.

– Банг, – пробормотал Виктор. – Три машины с датчиками, четвёртый – Банг!

Получается, что зря он сомневался.

Штольц кивнул:

– Да, я подумал так же. Четвёртый – Банг. Тот парень, чью машину ты не успел пометить. Но сейчас это уже неважно. Мы потеряли след.

– Э-э-э...

– Пока мотоциклы находились в Милке, их работу отслеживала автоматика. В момент, когда эти негодяи пересекут границу с Грином, должен был сработать сигнал. Он сработал.

– Где?

– В Северо-Западном. Оперативному отделению Эс-Ди была дана команда идти наперехват. Наши коллеги выехали. Но, как только они оказались там, где должны были находиться Ливни, сигнал с радаров исчез.

– То есть?

– Исчез, – раздраженно повторил Штольц. – Пропал. Испарился, как не было! Так понятно?! – последние слова он выкрикнул.

– Понял, шеф. Виноват, шеф.

Штольц, кричащий на подчиненного – это было нечто, на взгляд Виктора, даже более неслыханное, чем пропавший с радаров сигнал.

– Через одиннадцать с половиной минут сигнал появился снова, – мрачно продолжил Штольц. – В двадцати трёх километрах от того места, где пропал! И в полутора километрах от места происшествия. Когда оперативники прибыли,

всё уже было кончено. Старк мёртв, Ливни исчезли.

– На этот раз совсем?

– Нет. Позже появились в Милке. Разумеется, часть оперативников была заранее направлена туда, наши коллеги в Милке тоже получили команду о перехвате. Но предсказать, в каком месте эти негодяи появятся снова, мы просто не могли! И, соответственно, задержать их не удалось. Ливни появились там, где мы вообще не ожидали их увидеть! На безумной скорости промчались сквозь Милк и скрылись в Тине. И вот там уже, конечно, сигнал исчез окончательно.

Ну да. В Тине ведь нет вышек связи...

– А как давно пропал сигнал?

Штольц взглянул на браслет.

– За десять минут до того, как ты приехал.

Что ж, теперь по крайней мере ясно, почему шеф мрачнее тучи. С такими-то новостями...

Вслух Виктор сказал:

– Задача ясна. Разрешите приступить?

Штольц кивнул:

– Бери Гамова и езжай. Буду ждать твоего доклада.

– Признаться, из объяснений шефа я ничего не понял.

Тучный, неповоротливый Гамов неспешно усаживался на скутер. Его габариты не первый год составляли предмет всеобщего веселья, перед каждой сдачей нормативов в участке делали ставки, пройдёт ли Гамов. И каждый раз каким-то

непостижимым образом ему это удавалось. Ставки повышались год от года.

– Ты же сейчас – патрульный. Верно?

– Верно.

– И тем не менее, едешь со мной.

– Еду.

– А я обязан передать тебе всю информацию по расследованию, которой владею?

– Всю.

– На каком основании?

– На основании приказа вышестоящего.

– Ничего не понимаю, – повторил Гамов. – С каких пор детектив-сержанты докладывают патрульным?! Мне кажется, шеф сам что-то недопонимает.

– А мне кажется, что наше с тобой дело – выполнять приказ, – отрезал Виктор. – Ты едешь на осмотр места преступления, я тебя сопровождаю. Что тут непонятного?

Гамов засопел.

– Что известно о месте преступления?

– Новый квартал, – буркнул Гамов, – «Сказочный уголок». Из модных, дорогих. Несмотря на то, что рядом – граница с Милком, цены бешеные, больно уж место хорошее. Озеро, песчаный берег. Да ты наверняка рекламу видел.

Виктор кивнул.

– Я понял, о чём ты. Но ведь, если не ошибаюсь, этот квартал пока не заселён? Он в процессе строительства?

– Не заселён. Готов только первый ряд коттеджей, там идёт внутренняя отделка. Рассыльный отеля, где проживал Старк, сказал, что ему позвонили якобы из строительной компании. Попросили приехать, что-то согласовать. И на пороге будущего дома расстреляли.

– Рассыльный сказал? – удивился Виктор.

– Да. Старк жил в отеле.

– А в строительной компании, естественно, никто знать не знает ни о каком звонке?

– Естественно.

– Номер, с которого звонили?

– Не существует. – Гамов помолчал и обиженно добавил: – Не думай, что один ты на весь участок умеешь работать, Ковальски.

– Я работаю патрульным.

– Угу. Я и вижу, как патрулируешь.

На это Виктор не ответил.

Коттедж, в котором планировал поселиться Старк, как и прочие его братья-близнецы, был сработан из металлизированного стекла. Дымчато-прозрачный, по форме напоминающий шар, будто новогодняя игрушка. Изящные арки дверных проемов, разноуровневые овалы окон – рекламные проспекты уверяли, что в доме нет ни единого прямого угла. Сходство с новогодней игрушкой довершала скруглённая крыша, украшенная каминной трубой. Труба умела созда-

вать имитацию дыма.

Увидев коттеджи, издали напоминающие новогодние шары, Виктор вспомнил щебет Лючии – о том, как она мечтает когда-нибудь поселиться в таком доме. Находясь внутри него, можно из любой точки видеть всё, что происходит снаружи. Готовя завтрак, укладываясь спать, собираясь на работу, любоваться живописным озером.

К широкой террасе дома уже подвели крыльцо, ступени выложили белым природным камнем. Неподалеку лежали на боку саженцы вечнозелёных растений, их должны были высадить вдоль дорожки.

Растения уложили в ряд. Тонкие корешки и комья земли на них высохли, веточки поникли. «Тоже – будто расстрелянные», – мелькнуло в голове у Виктора.

А на ступенях дома лежал Старк.

Белый камень залила кровь. Кровавые ошмётки и брызги виднелись и на стеклянных стенах коттеджа, и на распахнутых дверях из светлого дерева. Под телом Старка растеклась тёмно-красная лужа.

– Святые Стражи, – пробормотал побледневший Гамов.

Он застыл в седле скутера, с ужасом глядя на труп. Поднёс ладонь ко рту.

– Ты ведь это уже видел на фото.

– На фото – совсем другое, – пробормотал Гамов. Слезать со скутера, похоже, не собирался.

Место происшествия огородили лентой. Три человека в

форме Эс-Ди стояли неподалеку, от группы отделился один. Поднял руку с браслетом – одновременно и приветствуя, и отправляя коллегам данные.

Детектив-сержант Брайан Корф. Сорок один год, одиннадцатый участок Северо-Западного округа.

Виктор и Гамов отправили с браслетов свои данные.

– Детектив-сержант, патрульный, – Корф приветствовал коллег кивком головы. – Нас предупредили. Мы вас ждём.

– Благодарим, – слезая со скутера, кивнул Виктор. – Что-то новое появилось? Улики? Свидетели происшествия?

Корф перевёл недоумённый взгляд на Гамова – удивился, что вопросы, в нарушение субординации, задаёт не он. Гамов утвердительно кивнул: мол, так и надо, не обращайтесь внимания.

Успокоенный Корф покачал головой:

– Ничего. Свидетелей нет и быть не могло. Тут ещё не закончено строительство, территория обнесена ограждением. Согласно Инструкции, здесь не следует находиться посторонним. А строители в семь часов закончили работу и разошлись.

– Идеально, – буркнул Виктор. – Снова – идеально.

– Что вы говорите?

Виктор не ответил. Подошёл к труп.

Старк лежал на спине. Судя по расположению гильз на земле, в этот раз Ливни не окружали жертву. Они выстроились перед крыльцом в ряд. Будто расстрельная команда из

Тяжёлых времен...

Виктор присел над трупом.

На вид – мужчина средних лет, хотя на самом деле Старку под восемьдесят. Дорого, со вкусом одетый. Браслет новомодный, из последней линейки: едва заметная на руке полупрозрачная ленточка.

– Старка не удивило, что его попросили приехать в такой поздний час?

Корф пожал плечами:

– Это вы можете спросить у его вдовы. Если она сумеет ответить, конечно... Мы вызвали её на опознание, приехала незадолго до вас.

– Где она?

– В фургоне неотложной помощи, – Корф показал кивком. – Сами можете представить, в каком состоянии бедная женщина. С ней занимаются медики.

– Ясно.

Виктор поднялся. Фургон неотложной помощи стоял за лентой ограждения.

Глава 3

Локация: Зеленый округ, Южный сектор.

Жилая зона, квартал «Сказочный уголок»

На вид вдова Старка была едва ли старше Виктора. На деле, как услужливо подсказал сетевой помощник, шестьдесят два года. Марианна Старк, домохозяйка. В медицинском фургоне работал кондиционер, поддерживающий комфортные двадцать четыре градуса, но женщина куталась в плед. В руке она держала стакан с тонизирующим напитком. Врач шепнул Виктору, что женщина приняла успокоительное.

Виктор скинул ей на браслет свои данные.

– Я попрошу вас ответить на несколько вопросов, госпожа Старк.

– Да, конечно, – Марианна Старк скорбно вздохнула. – Я понимаю.

– Вашему супругу было, что скрывать?

– Что-о? – госпожа Старк поперхнулась тонизирующим напитком. – Разумеется, нет! Что вы такое говорите?

«Слишком быстро для убитой горем вдовы перешла в оборону», – отметил про себя Виктор.

– Согласно данным, которые я снял с браслета господина Старка, в последний месяц он трижды менял местожительства. С вами, в вашем доме в Северо-Западном округе, не проживал. Почему?

– Это... – глаза госпожи Старк забегали. – Это было связано с его работой! Все эти поездки, знаете... Командировки...

– Господин Старк отошёл от служебных дел два года назад. Если верить Положению о статусах, он – заслуженный пенсионер. О каких командировках вы говорите?

– Да... – забормотала госпожа Старк. – Рос, конечно, на пенсии, но... Всякое бывало. Знаете, официально – пенсионер, а по факту – бывшие коллеги частенько просили помочь. То одно, то другое...

– Что именно – одно и другое? Кто именно просил господина Старка? О чём?

– Да откуда я знаю! – Марианна гневно встрепенулась, отбросила плед. Таких вопросов явно не ожидала. – Я никогда не вмешивалась в дела мужа! Я понятия не имею, с кем он разговаривал.

– То есть, ни одного имени бывших коллег господина Старка, которые могли бы пролить свет на причину отсутствия вашего мужа дома на протяжении вот уже месяца, вы назвать не можете?

– Нет. Не могу.

– И сам он вам своё отсутствие никак не объяснял? Месяц, знаете ли, приличный срок.

– Послушайте, господин... – Марианна запнулась и, видимо, только сейчас обратила внимание на звание Виктора. – Господин патрульный! По какому праву вы вообще задаёте

мне такие вопросы?! Какое отношение они имеют к смерти моего мужа?

– Мы расследуем убийство, госпожа Старк. – Виктор прямо посмотрел ей в глаза. – И не простое убийство. Вашего мужа убили Свинцовые Ливни – вы понимаете, о ком я говорю?

– Нет! – Марианна почти взвизгнула. – Понятия не имею, кто это! Я не читаю новости! Я не смотрю Ти-Ви! Я не...

– Смотрите, госпожа Старк, – Виктор сделал вид, что сверяется с информацией на браслете. – Вам зачитать список сериалов и шоу, которые вы смотрите?

– Нет! – Марианна вскочила. – Прекратите этот отвратительный допрос! Я немедленно отправлю на вас жалобу! Я звоню адвокату! Я требую...

– Вы можете звонить кому угодно. Но постарайтесь понять вот что: вашего мужа убили. Те люди, от которых он пытался скрыться. Господин Старк понимал, что за ним придут, и всеми силами старался замести следы. Но не получилось. Ливни его нашли, результат мы видим, – Виктор мотнул головой в сторону коттеджа, на крыльце которого остывал труп. – И я прошу вас ответить: почему ваш муж скрывался? Что в его прошлом случилось такого, что убедило Ливни охотиться за ним? Что заставило прятаться?

– Я не знаю! Я ничего не знаю! – у госпожи Старк, похоже, начиналась истерика.

– Ковальски, – с опаской глядя на женщину, начал было

Гамов. – Тебе не кажется, что...

Виктор жестом приказал ему заткнуться. Жёстко, категорично продолжил:

– Госпожа Старк. Я обращаюсь к вам от лица Эс-Ди. От лица службы, чей святой долг – защищать граждан Мегалополиса. Для того, чтобы предупредить следующее убийство. Для того, чтобы остановить Ливней! Чтобы прекратить этот кошмар и вернуть покой людям, прошу вас ответить: чего так боялся ваш супруг? Почему он прятался?

В глазах у госпожи Старк мелькнуло сомнение.

– Это информация очень важна, госпожа Старк, – сбавив тон, мягко сказал Виктор. – Она может остановить следующую смерть.

– Да и Проклятые с ними! – взвизгнула вдруг Марианна. Её глаза злобно сверкнули. – Рос погиб – так пусть и остальные погибают! Я ничего не знаю, ясно вам?! Я не слышала ни о каких Ливнях! Мой муж ни от кого не прятался! Я звоню адвокату!

За то время, что Виктор и Гамов добивались до участка, Марианна Старк успела отправить четыре жалобы. По дороге Гамов четырежды поклялся, что Виктора рядом с собой в расследовании терпит в первый и последний раз в жизни.

Когда Гамова выставили за дверь, Штольц повернулся к Виктору. Хмуро спросил:

– Чего ты от неё добивался?

– Я уверен, что Старк скрывался от Ливней. Попытался выяснить, почему.

– С чего ты взял, что он скрывался?

– Через два дня после смерти Грифа Старк изменил внешность. Он не появлялся дома, жил в отелях. Каждый раз регистрировался под другим именем и почти никуда не выходил.

– Любовница или любовник, – буркнул Штольц. – Седина в голову – бес в ребро. Обычное дело.

– И жена, с которой Старк состоит в браке вот уже двадцать один год, приняла это, как должное? Не подала на развод, не отправила ни единой жалобы? Я видел эту дамочку, шеф. Она не из тех, кто упустит хоть крошку пирога. А со счета Старка не уходили деньги на оплату дорогих подарков. Он не выезжал на курорты, обедал и ужинал в одиночестве... Нет. – Виктор покачал головой. – Это не любовная связь. Я уверен: Старк боялся Ливней. После смерти Грифа понял, что придут за ним. И постарался принять меры.

– Хочешь сказать, Старк знал, кто такие Ливни?

– Если и не знал доподлинно, то догадывался. Он был смертельно напуган.

– Но на встречу с ними, тем не менее, явился.

Виктор кивнул:

– Так же, как перед этим на встречу явились трое байкеров, а потом Гриф... Эти парни планируют свои действия на сто шагов вперёд. Они отлично умеют маскироваться. Кол-

леги из Северо-Западного опросили портье, который дежурил у входа в отель, это последнее место проживания Старка. Тот сказал, что Старк, когда уходил, был раздосадован. Ворчал, что подаст жалобу на строителей – которым для чего-то понадобилось его личное присутствие. То есть, тот, кто назначил ему встречу, скорее всего представился менеджером строительной компании.

– Старк подал жалобу?

– Нет. Видимо, не успел.

– А тот звонок, из-за которого он поехал...

– Не зафиксирован. В строительной компании сказали, что от них Старку никто не звонил. Сроки выдерживаются, объект планировали сдать по графику. Им не о чем было разговаривать. В общем, то же самое, что с байкерами и Грифом: Ливни очень тщательно всё спланировали.

– Да уж, – буркнул Штольц. – А Гриф и Старк, я так понимаю, связаны?

– Уверен, что да, но точной информацией не владею.

– Плохо!

– Виноват, шеф. Для получения информации такого рода нужен второй уровень доступа. А я – простой патрульный.

– Ох, чтоб тебя, – спохватился Штольц. Вздыхнул. – Второй уровень к тебе, боюсь, вернётся не скоро... Ладно, это я сам. Как только будет информация, сообщу. Езжай пока домой, отдыхай.

– Я не устал.

– Вот как. И что планируешь делать?

– Разрешите посетить Милк, шеф.

– Мне не нравится твоя затея.

Дежавю – Штольц и Виктор, в обличии Бернарда Краувица, снова стояли перед зеркалом в отделе внешнего наблюдения.

Виктор застегнул синюю куртку-спецовку. Сказал:

– Мне самому эта идея не сказать, чтобы нравится. Но что-то ведь надо делать. Мотоциклы, на которых стоят датчики, не могли исчезнуть бесследно. Я поищу следы. Благо, примерно знаю, где искать.

– А в Милке знают тебя! Те подонки, что напали на девушку.

– Те подонки знают Бернарда Краувица. Они не знают, кто я.

– Тем более! Если они вдруг встретят тебя на улице...

– Я предъявлю браслет. Нападать на эсдика они не посмеют.

Виктор надеялся, что врёт достаточно убедительно. По крайней мере, для тех, кто захочет прослушать его разговор со Штольцем. В том, что сам Штольц ему не поверил, не сомневался, но это было не важно. Главное, чтобы начальник дал разрешение вернуться в Милк.

– Всё равно это риск.

– Не такой уж большой. Разрешите идти?

Штольц вздохнул.

Через два часа Виктор сидел в кабине знакомого грузовика.

Локация: Серый округ. Заброшенное поместье

Размер поместья, где они остановились, впечатлял.

Огромный дом, выстроенный в старинном стиле, два бассейна – сейчас они были засыпаны древесным мусором, – изящные столбики фонарей вдоль дорожек, хозяйственные постройки. Экзотические деревья и кустарники – которые, будто бросая вызов прущим из земли сорнякам, засыхать не спешили.

Рокси посмотрела на дерево, похожее на клён. С такими же резными, только более широкими листьями, окрашенными в яркие цвета, от жёлтого до багряного.

Яшка проследил за её взглядом. Пояснил:

– Горит паршиво. Пытались такие на дрова пилить – херня полная, тепла не дают. Больше их не трогают.

– На дрова? – Рокси зябко повела плечами.

– Ну да. Чем тут ещё греться-то? Печи топят.

– Кто... – Рокси вспомнила фигуры, которые видела вдали, когда они проезжали мимо. – Кто топит?

– Мутанты, – гыгыкнул Яшка. – Когда девственницы из цветных округов заканчиваются, про дрова вспоминают.

Рокси обиженно отвернулась.

– Да нет тут никаких мутантов, – примирительно сказал

Вэл. – Обычные люди живут.

– Люди? А... зачем они живут здесь? Почему не в Милке?

– По-разному, – уклончиво отозвался Вэл. Взялся за угол скамьи, стоящей на веранде. Бросил Яшке: – Подсоби.

Вдвоем они развернули тяжёлую скамью так, что она заблокировала дверь.

– Порядок, – решил Вэл. – Если вдруг у кого ума хватит ломиться – услышим.

Они с Яшкой через заднее крыльцо ушли в дом.

Рокси осталась стоять на веранде. Шепнула дереву:

– Я рада, что тебя не сожгли.

Сбежала с крыльца, подошла ближе. Коснулась пальцами гладкого, кажущегося лишенным коры, ствола. Наклонилась, чтобы поднять с земли самый красивый лист.

И завизжала. Из-под листа метнулось в сторону что-то тёмное.

– Чего ты?!

Яшка оказался рядом мгновенно. Задвинул Рокси себе за спину.

– Чего орёшь? – он настороженно озирался.

– Т-там... – Рокси ткнула пальцем в ворох листвы. – Оно убежало! А за ним – ещё!

– Мутанты, – уверенно объявил Яшка. Сунул пистолет обратно в кобуру. – Тебя караулят. Знают, что девственница.

– Да не пугай ты её, – фыркнул Вэл. Он тоже успел оказаться рядом. Объяснил Рокси: – Крысы это. Их тут полно.

– Что там? – окликнул Дэн.

Рокси почувствовала, что краснеет.

– Всё нормально, – отозвался Вэл. – Мелкая крысу увидела, испугалась. Уже идём, – обнял Рокси за плечи, повел в дом. На ходу посоветовал: – Ты далеко от жилья не отходи. Смех – смехом, а вообще тут... всякое попадается.

В доме – не в том, огромном, а в маленьком, притаившемся у ограды, – Дэн успел затопить печку.

Объяснил Рокси:

– Здесь жили охранники. Хозяин поместья был фриком, помешанным на старине. Все строения отапливались дровами.

– А почему сейчас никто не живет?

– Нельзя, – серьёзно сказал Яшка. – По ночам восстаёт из мёртвых хозяин дома. Приходит к тому, кто нарушил его покой, хватает за шиворот и топит в ванной.

Рокси вздрогнула.

Вэл вздохнул:

– Ох, трепло... В той ванной воды-то – сто лет как нету. Просто большой дом топить – дров не напасёшься. А в этом, маленьком, дымоход забился, вот и не жил никто. После уж, когда мы появились да прочистили, попытались было. Но...

– Но это наш дом, – сухо сказал Дэн. – Не бойся, Рокси. Тут безопасно, никто не сунется. И никаких призраков нет.

Он развернул плежер, направил изображение на стену. Не меняя тона, продолжил:

– По операции. Все – молодцы, сработали чисто.

На стене замелькали кадры, снятые дроном.

Старк – встретивший их на крыльце своего будущего дома. Дэн, зачитавший ему приговор. И четыре фигуры, выстроившиеся в ряд. По команде Дэна вскинувшие оружие.

Стрельба из четырёх стволов – слившаяся в единый грохот. Тело, терзаемое пулями...

Рокси затрясло. Вэл этого не заметил.

– Так! – сжимая кулаки, не отрываясь от изображения, крикнул он. – Подавись, гад! Моя бы воля – ещё бы сто раз расстрелял.

На ужин у парней были заготовлены туристические концентраты. Таблетка размером с крупную монету, если залить её кипятком, раздувалась и превращалась в макароны или овощное пюре с прожилками мяса.

Рокси уже доводилось пробовать концентраты, это было вполне съедобно. Но есть она не могла. Сославшись на то, что болит голова, ушла в дальнюю комнату. В домике их было две: ближняя, где топили печку и ужинали, там стояла кушетка, и дальняя – где в углу лежал большой матрас и были навалены подушки.

На матрас, отстучав свое в тубусе, рядом с Рокси улёгся Дэн. Он уснул быстро. Чуть позже появился Яшка. Лёг с краю, с другой стороны от Дэна. И тоже уснул.

А Рокси заснуть не могла. Едва закрывала глаза – пред-

ставлялся расстрелянный Старк. Кровь на белоснежных плитах крыльца, на стеклянных стенах дома.

Кровавые пятна выглядели в этом оазисе роскоши так нелепо, что казалось – это не всерьёз. Так могли бы выглядеть новогодние игрушки летом, украсившие ялонию во дворе. Вот-вот появится кто-то взрослый, улыбнётся детским забавам, а потом потихоньку скажет горничной: «Не забудьте убрать, когда дети наиграются».

Как только Рокси удавалось задремать, её палец вздрагивал на спусковом крючке. Снова и снова.

Окно комнаты было завешено покрывалом. Но один угол сорвался с крепежа, сквозь образовавшийся треугольник в помещение лился лунный свет.

Когда луна, почти полная, встала напротив окна и принялась светить в лицо, Рокси не выдержала. Осторожно, чтобы не разбудить Дэна и Яшку, слезла с матраса. Не обуваясь, на цыпочках вышла из комнаты.

Думала, что Вэл спит на кушетке, но кушетка была пуста, Вэл куда-то ушёл. В печке, за закопченной стеклянной дверцей, дотлевали угли.

Рокси вышла на крыльцо.

Красивое дерево оставалось красивым даже сейчас, в лунном свете – когда не было видно нарядных листьев. Оно серебрилось под луной до того величественно, что Рокси заплакала.

– Прости, – прошептала она. – Прости меня!

Перед глазами вдруг ярко, безжалостно всплыла картинка из детства, о которой столько лет старалась забыть.

Отец на пороге их комнаты. Его крик: «Нет! Не трогай детей!»

Она сама, онемевшая от ужаса, съёжившаяся за спиной брата. Пули, вырывающие фонтаны крови из тела отца...

Грязные доски пола вдруг оказались рядом с лицом Рокси. Ногти – её новенький маникюр, изображения чаек над морем – отчаянно их царапали.

Один ноготь треснул, из-под него брызнула кровь. Красные капли разорвали картинку надвое. Голографическое чудо превратилось в чёрные закорючки.

А боли не было, Рокси её не чувствовала. И звуков не было. Не было вообще ничего. Ногти продолжали отчаянно царапать пол.

Глава 4

Локация: Серый округ.

Заброшенное поместье

– Тихо!

Сильные руки оторвали Рокси от пола. Подняли, куда-то понесли. Плечо и бок приткнулись к чему-то тёплому.

– Выпей. – В губы ткнулась холодная фляжка. – Ну?

Рокси глотнула.

Рот обожгло, в ноздри ударил резкий запах. Рокси отвернулась, закашлялась.

– пей! – приказали ей. – Ещё!

Она сделала новый глоток. Фляжка отстранилась от губ. Тёплое, обнимающее, стало крепче.

Рокси в изнеможении опустила голову. По её лбу провела жёсткая, сухая ладонь. Вытерла испарину.

– Блин! Вот тебя накрыло...

В ладони образовалось что-то прохладное. Посвежело, стало легче.

Рокси с благодарностью повернулась – подставляя голову так, чтобы прохладного прибавилось. А по желудку разливалось успокаивающее тепло.

Когда Рокси снова начала соображать, поняла, что смотрит в небо. Тёмное, бесконечное, усыпанное звёздами.

– Очухалась?

Её голова лежала на коленях у Яшки. Он сидел на ступеньке, заглядывал Рокси в лицо.

– Да.

Голос показался не своим, слишком хриплым. Рокси снова закашлялась. Попыталась встать, но не сумела.

– Да лежи ты, блин! Не дёргайся.

Яшка придержал её.

– Я в порядке, – пробормотала Рокси.

– Угу. Я так и понял. Воды принести?

– Нет. Не надо.

Снова дёрнулась, попытавшись встать. В этот раз Яшка не стал её удерживать.

Рокси с грехом пополам поднялась, но поняла, что до комнаты не дойдет. Облокотилась о перила веранды. Рассеянно следила за тем, как Яшка вынимает из кармана жилета трубку. Как набивает и раскуривает.

– Будешь? – Яшка протянул трубку Рокси.

Она взяла – заметив, что рука дрожит, – осторожно затянулась. Боялась, что табак в её нынешнем состоянии вовсе оглушит, но – нет. Следить за струйкой дыма, потянувшейся к ночному небу, было приятно. Успокаивало.

– А где Вэл? – вернув трубку, спросила Рокси.

Спросила наугад. Когда она выходила из дома, Вэла в комнате не было. Но между этим моментом и тем, когда её нашёл Яшка, могло пройти немало времени.

– Гуляет.

– Гуляет? Здесь?

– А есть разница, где? Мы с ним везде свои. И везде – ничьи. – Яшка повернулся к ней. – Тебе поспать надо. Давай, в дом отведу.

– Нет. Не хочу.

Рокси села на крыльцо рядом с ним. Попросила:

– Расскажи про Старка. И про других... За что Вэл их так ненавидит?

– За то, что жизнь ему сломали, – неохотно отозвался Яшка. – За то, что мать погубили. За то, что у самого – всё, что было, отняли.

– Маму Вэла... убили? – голос у Рокси дрогнул.

Яшка выдохнул дым.

– Вэл спортсменом был, с самого горшка занимался. На всех соревнованиях – если не в первой десятке, то близко. Каждая гонка – если не призовое место, то рядом.

– Гонка? – удивилась Рокси. – На чём? На мотах?

– Нет, блин. На воздушных шариках.

– А сколько же ему лет было?

– Почти четырнадцать. До полных четырнадцати, когда к юниорам переводят, чуть-чуть не хватало.

– Но, подожди, – Рокси нахмурилась. – Ты что-то путаешь! Детям запрещено управлять мотоциклами. До восемнадцати лет этот вид транспорта...

Яшка хмыкнул.

– Самой-то тебе сколько?

– Семнадцать. Скоро будет. Но мы – это вообще другое! Мы действуем незаконно.

– А кто тебе сказал, что в гонках всё законно? Законы работают там, где людям есть, что терять. Это у вас в Грине, если в Инструкции написано «нельзя», то ни один родитель ребёнку близко подойти не даст. А у нас расклад другой. Детей, бывает, в бордели сдают – не кашляют. Кормить будут, крышу над головой дадут, и ладно. А в гонках, если не копать, то вообще типа всё нормально. Кубатуру движка, прочее – по документам занижают. И получается, будто это и не мот, а чуть ли не игрушка. И гонок никаких тоже как будто бы нет. Катаются детишки в своё удовольствие – кто им запретит?

– Но это ведь очень легко проверить? – Рокси нахмурилась.

Яшка хмыкнул.

– Легко. Если реально проверять. А если смотреть одним глазом на мот, а другим – на браслет, куда тебе только что бабла насыпали... Вэл рассказывал, есть извращенцы, которые только детские гонки и смотрят. Взрослые им не интересны, кайф не тот. Не визжат, когда победят, не режут, когда проиграют. А сколько деток из-за этих якобы игрушек бьётся, никто не считал. У организаторов жопы прикрыты, родители или опекуны заранее бумажку подписывают, что претензий не имеют. Но Вэл всерьёз не бился, хранили Стражи. И возраст как раз подошёл в юниорскую команду переходить.

Дальше, если тебя возьмут, заработки уже другие. А через пару лет, если повезёт, могут документы выправить, что совершеннолетний, и в Грин переправить.

– В Грин?

– Ну да. В подпольных заездах – кто гоняет, по-твоему? Не цветные же. Такие, как Вэл – которые, если покалечатся или насмерть уберутся, то пропадут как не было, и дело с концом.

– И Вэл... – Рокси сглотнула. – Он действительно этого хотел? Попасть в Грин на таких условиях?

Яшка пожал плечами:

– А чего ему не хотеть? Как вспышка бахнет, сдохнуть – лучше, что ли? Хотел, конечно. Думал, сперва сам переберётся, потом мать перетащит. Чтобы та хоть на старости лет как человек пожила.

– И он не боялся разбиться?

– А ты не боишься? – Яшка посмотрел на неё.

Рокси отвернулась.

– Про меня ты сам всё знаешь.

– Ну, вот. А чего тогда спрашиваешь? Боишься, не боишься – какая разница? Надо – значит, берёшь да делаешь. И Вэлу, чтобы в юниорскую команду взяли, нужно было в соревнованиях попасть в первую десятку. Там «почти» уже не канал, либо попадаешь, либо хер сосёшь. В команде, конечно, можно остаться, через год снова счастья попытать. Но через год другие пацаны подрастут. И менеджеры, которые

всем рулят, ставку уже на них будут делать. Лишние часы разрешат накатывать, машины получше дадут... В море много рыбы, – Яшка выдохнул дым. – Неудачники никому не нужны. И Вэл в тех соревнованиях, в первом заезде хороший результат показал, третье место привёз. Гонки там были уже серьёзные, ставки на пацанов приличные делали. И, как у них полагалось, часть с этого выигрыша причиталась родителям. Ну, или опекунам – кто там тебя в команду привёл. Матери Вэла менеджер позвонил и говорит: «У твоего пацана – все шансы в следующем заезде тоже победить. Я могу сейчас выигрыш отдать тебе, и ты эти деньги потратишь на хозяйство и прочую ерунду. А можешь поставить их на своего сына. И тогда, если он победит – а он скорее всего победит, – ставка вырастет вдесятеро! Ты получишь в десять раз больше, чем сейчас. Ну, как – ты веришь в своего сына?»

– Я бы поверила, – пробормотала Рокси. – Вэл офигенно катает.

Яшка кивнул:

– Вот и она поверила. У неё ведь мечта была, как у всех, из Милка выбраться. Хотела, чтобы Вэл с гонками завязал. Чтобы в школу ходил, работу нашёл. А ставка-то – один к десяти! И матушка его не только выигрыш поставила, но ещё и все свои сбережения, что были. И на работе деньги взяла. Она кассиром работала в какой-то конторе, много лет уже. Ей доверяли, кассу не каждый день пересчитывали. Думала, завтра деньги вернёт, да и всё.

– А Вэл... – голос у Рокси дрогнул.

– А Вэл ничего не знал. Мать ему не сказала – менеджер предупредил, что нельзя. А то, дескать, разволнуется пацан, перед гонкой психовать будет. А сам Вэлу говорит: слушай, тут такое дело. Не нужно, чтобы ты в этом заезде в первую пятёрку попал. Привези восьмое-девятое место, и хватит. Пускай тебя другие парни объедут, на которых ставки выше. Ну, а я в долгу не останусь. Вэл знал, что такие вещи проворачивают. Говорит – окей, не вопрос. Сказано – восьмое, он и привёз восьмое. Хотя, говорит, мог бы в пятёрку войти.

– Но ведь в юниоры действительно брали десятерых? Вэл, получается, ничего не терял?

Яшка покачал головой:

– Это обычно брали десятерых. А в тот раз что-то пошло не так. И тот, кто выше менеджера стоял, сказал, что десять – перебор. Только шестерых возьмут. Менеджер, гад, шестерых и отобрал – тех, на кого ему указали. А других пацанов подговорил уступить, чтобы уж с гарантией... Вэл говорит, его бы воля – менеджера грохнул бы прямо там. Но тот не дурак оказался, почуял, чем пахнет. Свалил заранее. Вэл его искал-искал – не нашёл. С горя забухал, очнулся через сутки. Пришёл домой – а там дики. Обыск идёт, на работе у матери растрату обнаружили. Вэл сперва вообще не въехал, в чём дело, на диков кинулся, чтобы мать не увозили. Ну, и – нападение, телесные, прочая херня. Закрывать хватило, в общем. Получилось, что и мать арестовали, и самого Вэла

упрятали. Мать после этого так и не оклемалась, удавилась в камере. Вэлу сперва ничего не говорили, потом наврали, что от вспышки умерла. Про самоубийство он сам узнал, после уже. Как вышел, всё пытался того менеджера найти.

– Нашёл?

– Тогда – нет. Выяснил только, что этот гад в Грин перебрался.

– В Грин? – переспросила Рокси. И ахнула. – Грин... Спортивный менеджер... Старк?!

– Угу.

– А он ведь узнал Вэла!

– Узнал. Аж позеленел со страху. Хотя скольких таких, как Вэл, кинул – поди, со счёта сбился. Видать, давно уже лыжи наострил – сразу после того случая в Грин перебрался, внешность поменял. А когда мы в сети появились и про Грифа ролик прошёл, вовсе обосрался, потому Дэн его и искал так долго. С Грифом-то попроще было, тот не прятался. Был уверен, что не доберёмся.

Рокси вспомнила поле для гольфа. Четыре фигуры на мотоциклах, окружившие человека в клетчатых брюках. Его визг:

«Вы психи?! Что вам нужно?! Я вызвал Эс-Ди!»

И спокойный ответ Дэна:

«М-мы – те, кто вернёт миру справедливость. Избавит его от тварей, которые п-позабыли это слово. Ты тридцать лет в спортивном б-бизнесе. Хотя бы раз за эти годы ты отдавал

победу тому, кто её з-заслужил?! Ты напрасно ждёшь Эс-Ди. Посмотри на браслет».

Человек в клетчатых брюках взглянул на запястье. И побледнел, это было заметно даже в мёртвом свете фар.

«С-сигнала нет и не будет. Сюда никто не п-придёт. Тебе никто не поможет! Так же, как не помогали т-тем, кого ты погубил».

Дэн снял с предохранителя пистолет.

«Это... – человек в клетчатых брюках затрясся. – Это какая-то ошибка! Я никогда не вмешивался в результаты гонок! Все документы в порядке! Позовите Эс-Ди, кого угодно – я всё объясню! Я пройду любую проверку!»

«Н-никого звать не надо. Справедливость уже здесь. Я знаю, сколько ты получил за каждую сделку. Могу перечислить п-поименно всех, кому ты и такие, как ты, сломали жизнь».

«Нет! Я ничего не сделал!»

«В-врешь. – Дэн взмахнул рукой – команда Ливням приготовиться. Они вскинули оружие. – Больше ты никому не причинишь зла. В-во имя справедливости. Огонь!»

Они стреляют, все четверо. По диагонали – стоят друг напротив друга, есть риск попасть в кого-то из своих. Дэн пошел на это сознательно – пусть дики, повёрнутые на безопасности, поломают головы, как удалось такое провернуть. Защитный костюм может выдержать попадание, но никто из них не промахивается. Тело Грифа, нашпигованное десят-

ком пуль, валится возле флажка, обозначающего последнюю лунку...

– Грифа Дэн нашел быстро, – сказал Яшка. – Гриф отдавал команды таким, как Старк. Решал, кому побеждать, а кому проигрывать. Когда Старк увидел ролик, заметался. Понял, что придём и за ним. Попытался соскочить... Не вышло.

Яшка замолчал.

– Мы победим, – сказала Рокси.

– Конечно. Куда мы денемся... Держи, – Яшка нырнул рукой в карман, достал коробочку с синими пилюлями.

Рокси покачала головой:

– Не надо. Я справлюсь.

– Уверена?

– Да. Только... Можно, я с тобой лягу?

Яшка хмыкнул:

– Хочешь посмотреть, как Дэн мне яйца оторвёт?

– Не оторвёт. Я ему скажу, что сама попросила.

– А уснуть-то сможешь? – Яшка посмотрел на неё.

Вроде бы – с привычной насмешкой. Но что-то появилось в этом взгляде такое, от чего Рокси начала краснеть. Объяснила:

– Не надо. Я передумала, – попробовала встать.

И тут же покачнулась, пришлось снова хвататься за перила.

– Да чтоб тебя, – Яшка оказался рядом с ней.

– Я просто слишком резко встала!

– Угу. Конечно. Слишком резко.

Яшка взвалил её на плечо. На попытку возразить шикнул: «Тс-с! Дэна разбудишь». Сгрузил Рокси на кушетку в передней комнате, где до этого спал Вэл. Скомандовал:

– Подвинься.

– Не надо...

Яшка молча взял её за плечи и сместил в сторону. Улёгся рядом.

– А Вэл? – спросила Рокси. – Это же его место?

– Жопу поднял – место потерял. Переляжет, не развалится.

– А куда он делся-то? Ты так и не сказал.

– К девкам пошёл.

– К каким ещё... – начала Рокси. Но не договорила – догадалась. Смущённо отвернулась. Пробормотала: – А ты чего не пошёл?

– Лень, – Яшка зевнул.

Обнял её. Рокси дёрнулась, пытаясь отодвинуться.

– Да ладно, не стремайся, – Яшка удержал. – Спи.

Его одежда знакомо пахла мотоциклом, трубкой и чем-то ещё неуловимо Яшкиным. Рокси против воли накрыло воспоминанием – они вдвоём. Тогда, в вагоне... Она почувствовала, как заливается краской. Стало жарко. Хорошо, что в комнате темно.

Но Яшка всё равно понял. Почувствовал, наверное, как Рокси напряглась под его рукой. Предложил:

– Ну, хочешь – уйду?

– Нет, – Рокси мотнула головой. – Я сама не знаю, чего хочу. И что со мной... Извини.

– За что? За то, что к парню тянет?

Яшка развернул её к себе, заглянул в глаза.

– Нет, – выдавила Рокси. – Ничего подобного!

– Угу. Вообще ничего.

– Ты... Ты мне даже не нравишься!

– А кто нравится?

– Дилан! Мой парень.

– Это тот, с которым ты даже не целовалась?

– Я с ним целовалась!

– Да ладно? – Яшка наклонил голову. – Ты же говорила, вам нельзя?

– Я попросила Мию, чтобы она расширила Согласие на это пункт. И Дилан тоже попросил свою маму.

– И как?

– Никак.

– В смысле? Не сумели, что ли?

– Дурак! Всё мы сумели! Просто... Я не поняла, зачем это было нужно. Неприятно мне не было, но и ничего особенного не почувствовала. Решила, что пока не готова к такому шагу... Что ты ржёшь?

– Да так, – Яшка ухмылялся. – Не нравлюсь, говоришь? – Он смотрел на неё, не отрываясь.

– Нет!

– А Дилан нравится?

– Да! Мы дружим с детства. У нас схожие интересы, мы вместе ходим в литературный клуб, и...

Рокси замолчала.

– И куда ещё?

– Никуда! – она сердито вырвалась.

Глава 5

Локация: Серый округ.

Заброшенное поместье

Рокси вспомнила, как неделю назад они с Диланом возвращались из школы.

За живой изгородью, у соседнего коттеджа, причитала пожилая госпожа Свенсон. У неё убежала кошка. Взобралась на дерево и боялась оттуда слезть. Жалобно мяукала, а госпожа Свенсон рыдала. Объяснила, что уже вызвала спасательную службу, но они, в соответствии с приоритетностью заявки, прибудут не раньше, чем через сорок минут.

– «Вашей жизни и здоровью ничто не угрожает – следовательно, приоритет у заявки не самый высокий». Вот что они мне сказали! Представляете? – Госпожа Свенсон шумно высморкалась. – Я, конечно, уже оставила жалобу, но вряд ли эти бессердечные негодяи приедут раньше!

– Кошмар, – посочувствовала Рокси.

Кошка орала на весь квартал.

Рокси обошла вокруг дерева. И попросила Дилана:

– Подсади.

– Что? – удивился он.

Рокси стояла под толстой веткой, до которой сама достать не могла. И по стволу дерева не вскарабкаешься, уцепиться не за что.

– Я залезу на дерево, – объяснила Рокси, – и сниму эту дурочку.

Дилан нахмурился.

– Но это же опасно! Вдруг ты упадёшь?

– Не упаду. Помоги мне дотянуться до ветки.

– Как?

– Ну, подними меня! – Рокси начала злиться на его беспомощность. – Сама я дотянуться не могу, ты тоже. А если поднимешь меня – я достану.

– Я... не думаю, что нам стоит это делать.

– Почему?

– Ни в твоём, ни в моём Соглашении не сказано, что я могу тебя поднимать.

– Святые Стражи, – Рокси всплеснула руками, – да что тут такого?!

– А вдруг я тебя уроню?

– Так ты не роняй.

– Нет, – Дилан покачал головой. – Прости, но я не вправе это делать. Слишком большая ответственность.

Мысленно помянув слова, употребляемые в минуты досады Вэлом и Яшкой, Рокси побежала к своему дому.

Вытащила из кладовки стремянку, которой пользовалась горничная, когда протирала люстры. Поставила под дерево, по ветвям добралась до кошки. Сняла отчаянно царапающийся меховой комок и вручила госпоже Свенсон.

Дилан бормотал что-то невнятное, Рокси его не слушала.

Она сообразила вдруг, что понятия не имеет, сможет ли Дилан вообще её поднять. Веса в ней, конечно, не много, но и в руках у Дилана она ни разу не видела ничего тяжелее плеже-ра. Приходилось признать, что его опасения разумны. А она об этом даже не задумалась. За полгода привыкла к Ливням. Если бы рядом были Вэл или Яшка, кошку они сняли бы и с гораздо большей высоты, и без участия Рокси, ей палец о палец ударять не пришлось бы.

– Отстань, – из последних сил удерживая слёзы, сказала Рокси Яшке.

– Да и не приставал пока.

Яшка провёл ладонью по её волосам. Рокси всё-таки всхлипнула.

– Ну-у, только этого не хватало. – Яшка заглянул ей в глаза. – Чего ты?

Рокси уткнулась лицом ему в грудь. Проговорила, захлёбываясь слезами:

– Я уже без вас не могу! Не могу, понимаешь? Я сижу на дурацких уроках в школе. Хожу в дурацкую танцевальную студию... Дэн велел не менять образ жизни, оставаться прежней, чтобы никто ничего не заподозрил. Я делаю уроки, получаю высокие баллы. Я сижу за партой, выхожу к доске. На занятиях в студии готовлюсь к Осеннему Концерту, там будет представитель из Жёлтого округа. Вокруг меня люди, которых знаю с самого детства – но рядом с ними как будто уже не я! Как будто настоящая я остаюсь с вами. В подземке,

на полигоне... Никому из тех, с кем общаюсь, не могу рассказать о том, кто я на самом деле. И даже не потому, что меня за это проклянут. А потому, что ни единому человеку не сумею объяснить, зачем мы это делаем! До них просто не дойдёт, понимаешь? Они решат, что я сумасшедшая. И там, у Чангов, живу сейчас не я. Настоящая я – стою в сторонке и жду, когда всё закончится. Когда смогу стать собой. А ждать – чем дальше, тем тяжелее. Всё больше хочется заорать: да пошли вы! – и сбежать. Но Дэн говорит, нельзя.

Рокси замолчала. Яшка тоже молчал. Потом вдруг спросил:

– Знаешь, за что меня из табора выгнали?

– За что?

– С отцом подрался. Ну, как с отцом... Я у матери – старший. Когда меня родила, моложе была, чем мы с тобой. Дед мой, её отец – барон, по нашим законам главный. Велел отцу на матери жениться, тот и женился. Родила – будто бы от мужа, хотя на самом деле все знали, что нет. И что не из наших мужик, чужой... А по нашим законам, от чужака рожать нельзя. Мути сколько хочешь, бабло тyani – на здоровье. Но чтоб замуж, а тем более детей – нет. А мать то ли срок пропустила, то ли перепугалась по малолетству, не знаю. Но, в общем, когда деду сказала, что беременна, уже поздно было. Дед её и выдал замуж. После меня ещё две сестры родились, но отец не простил. Всю жизнь на меня бычился. По детству-то я не догонял, конечно. У матери спрашивал, за

что он так со мной? А она только ревёт белугой. Потом уж, как постарше стал, добрые люди глаза открыли. Я – к деду. Говорю, это что же, он меня всю жизнь будет гонять? Дед говорит, насильно мил не будешь. Терпи, говорит, судьба твоя такая. Уйдешь от отца – делай, что хочешь. А пока с ним живёшь, не рыпайся.

Яшка замолчал.

– И что ты? – спросила Рокси.

– Он её бил, – неохотно отозвался Яшка. – Когда знал, что деда рядом нет. А она деду не говорила. Тот, конечно, синяки видел, но тоже ничего не говорил. И я молчал, зубами скрежетал. А сам мамку любил. Она хорошая была, хоть и дура. Песни мне пела, сладостями кормила. Я по детству жрал, а после как отрезало. Сейчас сладкое вообще не ем... Ну, и я ведь мелкий был. А он – здоровый. И чем дальше, тем больше бесился. Всё чаще к ней лез, мамка всё дольше отлеживалась. Мелкие глядят, как он её лупит, воют – а ему это будто в кайф. Ну, я и психанул. Надыбал у парней диковский шокер. И когда он к мамке полез, кинулся. Дурак был, не сообразил предохранитель вырвать и мощность поставить на максимум. У диков-то оно ведь – так, щекоталка. Чтобы в полный рост прилетело, предохранитель убрать надо... В общем, отмудохал он меня крепко. Если б соседи не прибежали, убил бы. А на другой день дед появился – в тот-то вечер его не было, я специально подгадал. По нашим законам, на отца руку поднять – в прежние времена за это убивали. Я ду-

мал, и меня убьют. Валяюсь на полу в гараже – рожа разбита, глаз не открывается, руку правую не чувствую. В брюхе болит так, что хоть нутро из себя выдирай. И молюсь Стражам, чтоб поскорей это всё. Чтоб уже пришли да шею свернули... Проклятые знают, сколько валялся. И вдруг – вошёл кто-то. Дверь открыл тихонько, скользнул внутрь и тут же закрыл. Свет не включает, кругом темнота. И – щелчок. Выкидуха. Я говорю – ну?.. Чего ждёшь? Давай, рыпаться не буду! А он поближе подошёл и скотч мне на руках и ногах разрезал. И шепчет: пошёл вон. Дед скажет, что ты сбёг. И чтоб утром тебя в секторе не было! А я, пока связан был, до того затёк, что даже встать не сумел, пополз на карачках. За гаражами на ведро с водой наткнулся, попил. Легче стало... В общем, с сектора свалить сумел. И дальше уж старался своим на глаза не попадаться.

– А Боцман?

– А Боцман, как меня заперли, так и сидел возле гаража. Мы с ним давние друзья. Булку где-то раздобыл, припёр... Не прогонять же. Хотя он приметный, зараза. По первости я с ним крепко намаялся.

– Я думала, Боцман у тебя – память о доме...

– Да в гробу я видал такую память. Кабы мог, давно бы забыл. Я к чему говорить-то начал. Когда я в гараже валялся, а потом в одиночку выжить пытался – только Стражи знают, до чего херово было. А потом Вэла встретил. Полгода назад Дэн появился. И теперь уж мы такими делами ворочаем, что

хоть ты расшибись, а до конца довести надо. И ты, когда всё получится, сможешь к Чангам не возвращаться.

– Когда у нас получится, всё вообще по-другому станет.

– Угу. Об чём и речь... Держись, в общем. – Яшка обнял её. – Спи. Утро скоро.

Локация: Белый округ.

Жилой квартал у Храмовой площади

– Явился – не запылится, – приветствовала Виктора Марта.

В квартиру Бернарда Краувица он вернулся лишь для того, чтобы переодеться. Ночлежка, в которой жил в прошлый раз, была удобно расположена, стоила недорого, а готовила Марта отлично.

Она старалась казаться суровой, но получалось плохо – чувствовалось, что рада, что Виктор жив и здоров.

– Я тоже по вам соскучился. Моя комната свободна?

– Да вот только вчера жильцы съехали, я и прибраться не успела. Другая комната свободна, по цене – такая же. Может, туда?

– Нет. Если можно, старую. Привык к ней.

– Ну, дело твоё. Погуляй тогда, пока приберусь. Вещи оставь, если хочешь.

– Хорошо. Спасибо.

Виктор поставил рюкзак на пол и пошёл было к двери.

– Тебя тут искали, – сказала ему в спину Марта.

Виктор обернулся.

– Кто?

– Шпана местная. Я сказала, что съехал. Куда – не докладывался. Откуда появился – тоже не знаю. Про Яшку ничего не говорила.

– Спасибо! – от души повторил Виктор.

– Храни тебя Одиннадцать. Поосторожней там! А то, упаси Стражи, опять с мотоцикла упадёшь.

Виктор улыбнулся. Вышел из дома.

Собирался в «Клиффхангер», но по дороге передумал. Свернул к Храмовой площади.

Кто его ищет – понятно. Те подонки, которых избил в подвале, пожаловались своему старшему, обычная история. Весть о том, что во время вспышки куда-то бесследно исчезла храмовая девчонка, наверняка уже облетела весь сектор. А вычислить чужака, которого видели с Софией, и выяснить, где этот чужак обрёл приют – дело недолгое.

Но ему на руку играет срок давности. С пропажи Софии прошёл уже месяц, для уличной шпаны – серьёзный срок. Поискали-поискали, не нашли, да плюнули. За это время наверняка успели обрести кучу новых, гораздо более доступных врагов. В лицо его здесь почти никто не знает, разве что случайно напорется именно на тех двух. Но это – вряд ли, переломы так быстро не срастаются... В общем, мести Виктор не опасался. Его заботило другое: Банг и его парни.

Сигналы с датчиков исчезли, когда Ливни пересекли гра-

ницу Тина, и с тех пор не появлялись. Прочесывать дикий, бескрайний Тин, пусть даже силами всех поисковых служб Эс-Ди, в надежде отыскать четырёх мотоциклистов – задача, сопоставимая с поиском иголки в стогу сена. Но ждать, пока сигнал появится снова – затея ещё более идиотская.

Когда и в каком месте из Тина выскочат Ливни, куда они направятся, предсказать не может никто. По крайней мере, пока – тут Виктор очень рассчитывал на Штольца и аналитиков Эс-Ди. Если удастся установить, что связывало Грифа и Старка, возможно, удастся вычислить следующую жертву.

В то, что Ливни останутся на Старке, Виктор не верил. Они наверняка уже решили, кто будет следующим. А значит, пусть Штолец делает своё дело, а он будет делать своё. До сих пор Ливням удавалось опережать Эс-Ди, но этому пора положить конец. Официально Тин объявлен территорией, не приспособленной для проживания. Но Виктор хорошо знал, что тварей более живучих, чем человек – поискать. И иметь в этих диких местах какое-то логово на всякий непредвиденный случай такие парни, как Банг, просто обязаны. А если логово существует – значит, должны быть и люди, знающие, где оно находится. Виктор был знаком с единственным человеком, который мог указать местоположение.

– Яшка? – переспросил бармен. – Не, сегодня не был.

– Да он тут с прошлой недели не появлялся, – фыркнула девица, скущая у барной стойки. – И, небось, еще неделю

не появится.

– А где же он?

Девушка многозначительно улыбнулась ярко накрашенными губами. Виктор придвинул к ней несколько монет.

Глаза девушки загорелись. Виктор накрыл монеты ладонью. Требовательно спросил:

– Ну?

– С танцовками своими фестивалит. И что он в них нашёл? Ноги кривые, лохмы – как пакля! Тьфу.

Виктор вспомнил близняшек-танцовщиц. Ноги кривые? Лохмы – как пакля? Незаметно окинул взглядом расплывшуюся фигуру и полимерные локоны девушки. Усмехнулся про себя.

– Так Яшка сейчас у них?

Девушка снова презрительно фыркнула.

– Хвастались, что да. Мария из «Огненной лошади» говорила, что возле рынка встретила Алину. Та накупила всего – еле волокна. Яшка этим прошмандовкам даже скутер подогнал, почти новый! Представляешь?

– А где они живут? – Виктор снова двинул по стойке монеты.

Вместо ответа девушка требовательно протянула ладонь. Виктор положил в неё две монеты, остальные придержал. Спросил:

– Так где?

– В Юго-Восточном. Многоэтажки возле Ледового двор-

ца, знаешь?

Виктор кивнул.

– Ну вот, если с улицы смотреть, то вторая справа.

– А этаж? Квартира? – в ладонь девицы перекинула ещё одна монета.

– Точно не знаю, но высоко. Самый верхний этаж; там, говорят, кроме них никто не живет. А этим дурам – не лень же по лестнице лазить... Добавишь ещё? – девица склонилась к Виктору, принимая максимально соблазнительную позу.

Виктор подозвал бармена. Заказал девице выпивку, расплатился и ушёл.

Глава 6

Локация: Белый округ.

Жилмассив №21

Где находится Ледовый дворец, Виктор знал – как знали все жители сектора. Когда-то дворец считался местной достопримечательностью. Прекратил своё существование в Тяжёлые времена.

Прежде – чудо инженерной и технической мысли, за прошедшие годы он обветшал и смотрел на мир так же обиженно, как прочие здания в округе. Обозначенную девичей многоэтажку Виктор опознал сразу.

Дверь в единственный жилой подъезд дома ожидаемо оказалась заперта. Виктор подождал, пока к двери приковыляет старуха, везущая за собой сумку на колёсиках. Помог затащить сумку на крыльцо и вошёл вместе со старухой в подъезд. Узнал от неё, что лифт работает условно – вызвать его можно только со второго этажа. Старуха и сама жила на втором. Виктор донёс сумку до обшарпанной двери, вызвал лифт. Поднялся на самый верх.

Двадцатый этаж был необитаем: в здании протекала крыша. Коридор, в который шагнул из лифта Виктор, был засыпан обвалившейся с потолка штукатуркой, сырой и покрытой плесенью. Кое-где на полу после вчерашнего дождя ещё не просохли лужи.

Виктор спустился этажом ниже. Здесь тоже было сыро, но хотя бы без луж. На стенах виднелись грязные подтёки. Тоже явно никто не живёт. А вот на следующем этаже, восемнадцатом, Виктор увидел протоптанную в пыли дорожку, ведущую от лифта к квартирам. Точнее, как он быстро убедился, к квартире – единственной обитаемой из шести.

Кажется, он пришёл по адресу. Вопрос, что заставило близняшек-танцовщиц забраться на такую высоту, Виктор решил отложить как несущественный. Осторожно постучал в дверь.

Был готов к чему угодно. Сместился в сторону, рука стиснула в кармане шокер. Почему-то был уверен, что дверь не откроют долго, но она распахнулась почти сразу, без всяких «Кто там?» и прочей ерунды.

Определить пол существа, материализовавшегося на пороге, Виктор не сумел.

Существо было обрито налысо, голый череп украшала вязь светящихся татуировок, а переносицу – очки дополненной реальности в светящейся оправе. В полутьме коридора казалось, что вокруг головы существа разливается сияние. Поверх просторной майки с психоделическим принтом существо было одето в длинный жилет, сплетённый из виниловых шнурков. Из-под жилета выглядывало подобие шотландского килта, из-под килта – тощие костлявые ноги. Завершали наряд толстые шерстяные гольфы, украшенные бусинами. В руках существо держало миниатюрный кальян.

– Пицца? – затянувшись и выпустив дым, спросило существо у Виктора. Низким хрипловатым голосом, который с равной долей вероятности мог принадлежать как мужчине, так и женщине.

Воздух наполнился ароматом бохо – дешёвого наркотика, в детство Виктора у Учителя его курили, забивая в трубки.

– Нет, – сказал Виктор. – Я – к Алине.

Он запомнил имя одной из близняшек, произнесенное девицей в кафе. Вторую звали Галиной, это Виктор узнал у бармена.

– Там, – сказала существо. Махнуло рукой себе за спину. – Выпить принёс?

Виктор соорил удивлённое лицо:

– Мне сказали, тут Яшка поляну держит.

– Выпивки много не бывает, – назидательно объявило существо. И разочарованно уплыло прочь, окутанное клубами дыма.

Виктор, подождав, пока существо скроется из виду, подошёл к двери – за которой, как предположил, могла находиться Алина.

Дверь была приоткрыта.

Виктор осторожно заглянул в комнату. И отпрянул – на встречу спикировал красный попугай. Заорал:

– Нарушение личного пространства! Параграф Инструкции два, пункт четыре дэ! Как на острове Хайяме мужики дрались х*ями!

Несмотря на очевидную глупость слов, Виктор вдруг понял, что Яшкина птичка не так проста, как кажется. Если бы Яшке грозила опасность, ему бы сейчас не поздоровилось.

Боцман его узнал. В последний момент, перед тем, как начать орать, изменил траекторию – и только поэтому крепкие кривые когти не вонзились Виктору в лицо.

Дверь распахнулась. В глубине комнаты Виктор увидел большую кровать, с которой, недовольно поморщившись, на него посмотрел Яшка.

Он лежал на боку, одной рукой обнимал обнаженную девушку – из-под одеяла выглядывали её плечи и грудь. По подушке рассыпались длинные рыжие волосы. Другая девушка прижималась к Яшке сзади, Виктор разглядел тонкую руку, унизанную браслетами.

Через секунду та девушка, что была ближе к Виктору, открыла глаза. Увидела его и завизжала. Из-за плеча Яшки показалась еще одна взлохмаченная рыжеволосая голова, точная копия первой. Визг двукратно усилился.

Яшка вздохнул. Бросил девчонкам:

– Тихо! Свои.

Вопли смолкли. Та девушка, что лежала ближе к Виктору, подумав, прикрылась одеялом.

– На кухне подожди, – буркнул Виктору Яшка. – Сейчас – штаны надену, приду.

Местонахождение кухни Виктор определил без труда. И

приятно удивился – помещение оказалось аккуратным, прибранным. Он-то думал, что придётся пробираться через нагромождения пустых бутылок и упаковок из-под готовой еды. А здесь стоял новенький фуд-агрегатор, сверкающий латунью, кофеварка и даже контейнер для синтеза витаминов – такой же, как на столе у Сальмы.

Из ниши под воздуховодом выпирал округлыми боками холодильник. Столешница была отмыта и застелена бумажной скатертью, к столу придвинуты три стула с подушками на сиденьях. Подушки крепились к сиденьям кокетливыми бантиками. Дома у Виктора, в те далёкие времена, когда у него был настоящий дом, тоже водились такие.

Он присел на край стула.

Яшка появился через минуту. Босиком, на ходу застёгивая ремень на джинсах. На шее у Яшки висела майка. В зубах он держал трубку.

Сквозь сжатые зубы бросил Виктору:

– Туда, – и, пройдя через кухню, распахнул балконную дверь.

Виктор вышел на балкон вслед за ним.

Яшка уселся на перила – так привычно, будто более комфортной позы, чем свисать над улицей, сидя на ветхих перилах на высоте восемнадцатого этажа, не мог представить.

Бросил Виктору:

– Дверь закрой. Сквозняк – простудишься.

Виктор прикрыл балконную дверь.

– Чего хотел? – Яшка принялся набивать трубку.

Он не поздоровался. Как Виктор его нашёл, не спрашивал. Таких вопросов в Милке не задавали.

Солнце стояло в зените, дарило Мегаполису последнее тепло. Жилистый, мускулистый, слишком крепкий для семнадцатилетнего торс Яшки освещали полуденные лучи. Виктор увидел, что тело парня испещрено следами от электробича. Особенно досталось правому боку. Живот и грудь пересекали два длинных, кривых шрама.

Такие остаются, если раны срастаются сами, без участия врачей. Если все медикаменты, которые имеются в твоём распоряжении – порошок бактерицидки, да дешёвый алкоголь в качестве анестетика...

У Виктора кольнуло сердце. Он невольно тронул собственное лицо. Шрамы от крысиных зубов свели, но память о них никуда не делась.

– Где тебя так? – вырвалось у него.

Яшка скользнул взглядом по шрамам. Процедил:

– С мотоцикла упал.

– И пулю словил там же?

Под правой ключицей Яшки виднелся круглый белёсый след.

– Ты на меня пялиться пришёл? – Яшка снова зажал в зубах трубку, снял с шеи и натянул на себя майку. – Так я не по этой части. Девочек люблю.

– Ты хочешь перебраться в Зеленый округ? – вырвалось

у Виктора.

– Чего я там забыл? Мне и здесь хорошо. – Предложению Яшка не удивился.

– Если бы пуля прошла ниже, она пробила бы тебе лёгкое. Ты бы не выкарабкался. В Милке такие раны лечить не умеют.

– Знаю. И чё?

– У меня есть возможность переправить тебя в Зелёный округ.

Такая возможность – теоретически – у него действительно была.

– Крысятничать не буду, – холодно сказал Яшка.

Виктор осёкся.

– Что? – Яшка насмешливо смотрел на него. – Думал, один такой умный? Думал, я не срисовал, что ты дик? Да у тебя на лбу номер жетона выбит! Кабы ты шуршал по делам, которые меня касаются, суток бы небо не прокоптил. И никакой Крус тебе не помог бы.

Виктор обескураженно молчал. Он не знал, как строить разговор дальше. Яшка, сидя на перилах, невозмутимо дымил.

Молчание нарушила одна из близняшек, распахнувшая балконную дверь. Промурлыкала:

– Хотите кофе?

Она была одета в кружевной пеньюар нежно-сиреневого цвета. Для чего его надела, сложный вопрос. Скрывал этот

наряд гораздо меньше, чем подчеркивал.

– Пива принеси, – буркнул Яшка.

Девчонка упорхнула в кухню.

Сквозь стеклянные двери Виктору было видно, как она открывает холодильник, наклоняется к нижней полке и вытаскивает из большой, почти полной упаковки две жестяные банки. Когда девушка наклонилась, пеньюар взлетел на такую высоту, что Виктор счёл за лучшее отвести глаза.

К девушке подошла сестра, одетая в такой же пеньюар. Близняшки чему-то рассмеялись и на балкон выпорхнули вместе, с банками в руках.

– Хотите что-нибудь ещё? – осведомилась та, что подала пиво Виктору, с браслетами на запястье.

Игриво подмигнула. Белья под пеньюаром не наблюдалось.

– Пожрать сообразите, – сказал Яшка. – И дверь закройте с той стороны.

На догадливость близняшки не жаловались. Через мгновение с балкона испарились.

– Ты с ними... двумя? – невольно вырвалось у Виктора.

Яшка ухмыльнулся:

– А ты не заметил?

– И... как?

– Так же, как с одной, только с двумя.

Девушки порхали по кухне, загружали в фуд-агрегатор продукты. Казалось, что они танцуют даже здесь – движения

были красивыми, плавными. И явно рассчитанными на публику. Одна из девчонок, будто случайно обернувшись к балкону, Виктору игриво подмигнула.

– Кино посмотри, – проследив за его взглядом и лениво затягиваясь трубкой, посоветовал Яшка. – Тэг – Жэ-Эм-Жэ. Там всё подробно показывают. Только с Эм-Жэ-Эм не перепутай, это про другое.

Виктор ругнулся. Проворчал:

– Не рано начал – так резвиться?

– А сам-то? – Яшка попыхивая трубкой, смотрел на него. – Ну, давай – расскажи, какой ты морально устойчивый! Полечи меня – что надо школу закончить, потом в колледж поступить. Согласие от родителей получить, прочая ваша цветная хрень... Я ведь понял, что ты не под Крусом ходишь, его быков – всех наперечёт знаю. Ты из Грина, только родился не там. И попробуй, скажи, что нет.

Виктор не ответил. Отвёл глаза.

– Самому-то – сколько лет было, когда первый раз девочку попробовал? – допытывался Яшка. – Кто тебе Согласие подписывал? А?

– Пятнадцать, – процедил Виктор. – Никто.

– Ну, вот и от меня отвали.

Зацепившись ногами за перила, Яшка вдруг откинулся назад. Повис вниз головой на высоте в восемнадцать этажей, с наслаждением потянулся. Майка задралась, оголила шрамы на животе.

Накатило вдруг чувство, которого Виктор не испытывал уже очень давно. С самого интерната. С того момента, как понял, в каком болоте сидит – и увидел возможность выбраться.

– Я не заставляю тебя крысятничать. Просто хочу забрать отсюда.

– Зачем?

Яшка распрямылся. В один миг, легко и стремительно. Только что свисал с балкона головой вниз – и снова сидит на перилах.

– Потому что не хочу, чтобы ты сдох.

– Да с чего вдруг? – Яшка прищурился. – Я тебе никто и звать никак. Или твой троюродный дядюшка женился на моей двоюродной бабушке – а я знать не знаю?

«Потому что ты – это я! Тот, кем я мог бы стать. Потому, что понимаю: такие, как ты, долго не живут. Ты смел, силён, удачлив... Но удача – дама ветреная. Тебе только кажется, что она с тобой навсегда. На деле же – чуть ветер подует не в ту сторону, как удача тут же вильнёт хвостом. И отправится искать другого кавалера...»

– Инцест – половая связь между кровными родственниками! – заорал вдруг попугай. Проклятые знают, откуда появился на балконе. – Параграф Инструкции восемь, пункт одиннадцать! Мимо тёщиного дома я без шуток не хожу!

Яшка от питомца отмахнулся. Боцман не обиделся. Сел на перила и принялся склёвывать остатки присохшей краски.

– Да просто жалко тебя, и всё, – в сердцах сказал Виктор. – Ты кто – барыга? Знаешь, сколько я таких барыг повидал? И каждый думал, что бессмертный... Это ты пока на коне. Бабло, удача, девки любят. А пройдёт время – может, месяц, может, год, а может, всего-то сутки – и ушатают тебя ни за грош. Так, что даже понять не успеешь, кто! Кинут, подстрелят, в драке порежут... Я не хочу, чтобы это случилось.

Яшка спрыгнул с перил на пол. С неожиданной злостью проговорил:

– Рано хоронишь. О себе печалься.

– Идём со мной, – продолжал настаивать Виктор. – Я тоже когда-то думал, что из этого болота выбраться нельзя! Что это – всё, что нам предначертано. Родился в Милке – сдохнешь в Милке! Но это не так. Выбраться можно. Идём, – он протянул Яшке руку.

– Выбраться? – фыркнул тот. Протянутую ладонь демонстративно не заметил. – Прислуживать цветным? Прыгать на задних лапках? Чтобы каждое твоё слово записывали, а каждым шагом дики могли полюбоваться? Да гори огнём такая жизнь.

Яшка отступил назад, к перилам. Так же зло проговорил:

– Я лучше отсюда башкой вниз сигану, чем буду жить, как цветные! Мне в хер не встряло ползать, как улитка в аквариуме. Всё, чего хочу – это чтобы во время Вспышек вакцина была у всех! Чтобы здесь, в Милке, не молились Стражам, не сходили с ума, а просто ждали медиков, как вы. В Милке

живут такие же люди. Мы не хуже вас! Оттого, что ты вывезешь отсюда меня, другим лучше не станет. А надо, чтобы стало.

– Надо. Только как этого добиться? Такого никогда не будет! Не при нашей жизни – точно.

– Ну и, значит, болт я клал на такую жизнь. Сколько Стражи отпустят, всё моё. А там хоть трава не расти.

Яшка открыл пивную банку и надолго к ней приложился. Опустив руку, предостерегающе махнул Виктору – который собирался продолжить разговор:

– Всё! Закрыли тему. Говори, чего хотел?

– Банг, – помолчав, сказал Виктор.

– Вон оно чё. – Яшка хмыкнул. – Не, брат. Банга я тебе не солью.

– Почему? Ты же не с ним?

– Не с ним.

– И не с Лао?

– И не с Лао. Я – ни с кем, сам по себе. Но Банга сливать не буду.

– Но... – начал было Виктор.

– Вали отсюда, – холодно оборвал Яшка. – И скажи спасибо, что мне Банговы дела побоку. А то бы тебя твои кореша уже с асфальта соскребали. – Он выразительно кивнул в сторону улицы.

– Хочешь сказать, ты со мной справишься? – не сдержался Виктор.

– Проверим? – Яшка взглянул на него.

Спокойно, без угрозы. Но так, что Виктор вдруг отчётливо понял: может, и справится. Буркнул:

– Девочек твоих напугаем. Яичницу пересолят, жрать не сможешь.

– Соль – белый яд! – объявил Боцман. Сорвался с перил и принялся нарезать круги над Виктором. – Повышенное содержание солей в организме ведёт к преждевременному старению! Старость – не радость, малярия – не оргазм!

– Топай, – закончил Яшка. – И дорогу сюда забудь. – Распахнул балконную дверь.

Виктор прошёл через кухню, мимо замерших близняшек. По их настороженным лицам вдруг понял, что если бы он сейчас и впрямь улетел с балкона вниз, лить слезы девчонки бы не стали. Даже, пожалуй, без криков бы обошлось.

Когда он заглянул в спальню, близняшки, завизжав, просто соблюли некий ритуал. Никаким стеснением там не пахло, Яшка умел выбирать подруг себе под стать. Девчонки хорошо понимают, с кем связались. Если бы Яшка убил Виктора, то вместо того, чтобы падать в обморок, помогли бы замести следы. А уж это в Милке умеют делать отлично, сотрудницы Круса и коллеги Виктора из Грина не нашли бы ничего. И очень долго гадали бы, за каким чёртом понесло к этому дому патрульного Ковальски...

– Стой, – одна из близняшек догнала Виктора у входной двери. Обворожительно улыбнулась. – Выбросишь? – она

протягивала ему два объёмистых пакета с мусором. – Тебе по дороге, мимо контейнера не пройдёшь. А то мы всё никак не соберёмся. То одно, то другое – сам понимаешь, – она кокетливо хихикнула.

– Ты Алина или Галина? – спросил Виктор.

– Галина. Для тебя – Гала, – девчонка провела ладошкой по его щеке.

Виктор отстранил её руку.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать. А что?

– Давно вы с Яшкой?

– Третий месяц.

– И как?

– Да отлично, – Гала повела плечиком. – Он весёлый, не дерётся. Поёт круто, бабло не жмотит. Чего ещё надо-то?

– А где он это бабло берёт, вы не спрашиваете?

– А нам без разницы, – Гала улыбнулась ещё обворожительнее. – Меньше знаем – дольше проживём. Пока, красавчик!

Она послала Виктору воздушный поцелуй. И захлопнула дверь.

Глава 7

Локация: Белый округ.

Жилмассив № 21

– И правда, – пробормотал Виктор. – Чего ещё надо...

Кнопку вызова лифта он нажал машинально. Потоптавшись перед дверями с минуту, вспомнил слова старухи – о том, что лифт вызывается только со второго этажа. Выругался и направился к лестнице.

Во дворе, проходя мимо переполненного мусорного контейнера, оставил возле него всученные Галой пакеты. И подумал вдруг, что что-то здесь не так. Что-то его царапнуло... Что?

Виктор размышлял об этом почти до самой ночлежки. А дойдя, замер на пороге.

Банки! В полупрозрачных мусорных пакетах, которые вручила ему Гала – полных, набитых под завязку – он не заметил пивных банок. И упаковку, стоящую в холодильнике, едва успели вскрыть, это видел своими глазами. При том, что девица из бара была убеждена: Яшка «фестивалит» с танцовщицами уже неделю. То есть, эта троица неделю не вылезает из квартиры – но мусор в виде пивных банок не производит? Хотя Яшка в его присутствии уговорил полбанки за минуту и останавливаться не собирался? Странно. Что-то тут не складывается...

Ладно, Проклятые с этим. Разъясниться всё может очень просто – раз. А два – он здесь не для того, чтобы интересоваться Яшкой и его мутными делами. У него другая цель. Банг. Думать нужно о том, как выйти на него.

Локация: Белый округ.

Подземка

Дэн встретил Яшку, как обычно, в подземке. В вагон заходить не стали, разговор предстоял недолгий. Яшка коротко доложил о визите дика.

– К-как он тебя нашёл? – хмуро спросил Дэн.

Он сидел в инвалидном кресле, Яшка – на корточках, привалившись к стене. Хмыкнул:

– А чего меня искать? Я не прятался, у девок кантовался.

– П-поосторожнее. Нашёл Ковальски, найдёт и ещё кто-нибудь.

– Да на здоровье. Почую, что жареным пахнет – свалю, только меня и видели. А пока тихо всё.

– Т-тебя Ковальски не подозревает?

– Да с чего? Он Банга пасти прискакал. Сработало всё так, как ты и гвоорил. Дики уверены, что Ливни – это Банг и его кодла.

– П-послал его?

– Угу. Как договорились. Пускай сам роет. – Яшка замолчал, сосредоточенно дымя трубкой.

– Что-то ещё? – Дэн внимательно смотрел на него.

– По делу – всё.

– А не п-по делу?

– А не по делу он предлагал меня в Зелёный округ вывезти.

Дэн встрепенулся.

– З-зачем?

– Да чтоб я знал. Жалко, говорит, тебя, дурака. Пропадёшь тут, типа, ни за грош. Подстрелят, или ещё чего.

– А т-ты, что – рассказал ему, что барыжишь?

Яшка обиделся:

– Я на дебила похож? Просто он сам таким, как я, был.

Видать, догадался.

– П-постой. Я чего-то не понимаю. Ковальски тебя в-вербовал в осведомители?

– Дак, в том и дело, что нет! Не пытался даже. Просто сказал – давай, дескать, с собой заберу.

– Он, что – г-гей? В досье написано, натурал...

– Блин, – Яшка выдохнул дым. – Натурал и есть! Я видел, и как на Софию в кабаке пялился, и как на моих девок. Просто... Вот так почему-то.

Оба надолго замолчали. Яшка курил, Дэн задумчиво барабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Дэн.

– У?

– Не надо его убивать.

– Д-да с чего ты взял...

Яшка покачал головой:

– Слушай, ну я не дурак. Вижу, какие ты вокруг него петли накручиваешь. Отработает своё – в расход спишешь... Вот и говорю: не надо. Он... не малахольный, как эта дура храмовая, нет. Просто... Не знаю.

– Ид-ди, Яш, – Дэн развернул кресло. – До связи.

– Дэн!

– Ид-ди, – с нажимом повторил Дэн. И крутанул колёса кресла.

Оно ездило и так, управлялось касаниями сенсоров. Это была умная и дорогая модель. Но Дэн предпочитал крутить колёса руками – считал, что мышцам нужна нагрузка в каждый момент, когда эту нагрузку можно обеспечить.

Через минуту фигура командира пропала в темноте тоннеля. Яшка поднялся, с досадой выругался. Выколотил о стену и спрятал в карман трубку. Уселся на байк.

Летел знакомой дорогой обратно в Милк и почему-то вспоминал их первую встречу, полгода тому назад.

Яшка к тому времени три месяца, как начал мелькать в Грине. Достал на чёрном рынке поддельный браслет. Паршивый, конечно, на диков нарвёшься – мало не покажется, но если аккуратнo, то можно жить. Свои дела обстряпывал, ну и так – по сторонам смотрел. Клиентов нащупывал. И получил-таки заказ – новый байк. Похер какая модель, абы бензиновый и нулячий, из салона.

На салон Яшку навели. Он подбирался к нему почти ме-

сяц. Устроился на работу в контору, которая мыла окна – опыт к тому времени накопил уже будь здоров, с мойщиками любого типа разбирался, как с родными.

Работы контора начинала ночью, когда в салоне нет клиентов. Яшка принял из рук уходящего последним продавца ключ-карту от двери, собрал аппаратуру. Как положено у цветных, выставил на улице ограждение, развесил плакатики с извинениями за неудобство и запустил мойщика. По стеклянной стене автосалона заскользила широкая губка, прикрепленная к манипулятору – принялась размазывать поток чистящего средства.

Яшка с серьёзным видом покивал. Потом нахмурился, склонился над мойщиком. Посмотрел на губку, снова на мойщика. И, поцокав языком, скрылся в салоне – дескать, что-то не то. То ли пена не той концентрации, то ли губка трёт не так – надо бы разобраться.

Представление предназначалось следящей камере у входа, снаружи. Камере, которая находилась внутри салона, Яшка отвёл глаза. Что-что, а это он к тому времени умел исполнять виртуозно. Скользнул к мотоциклу.

Сердце в который раз невольно замерло – до чего же красив, зараза! Мощная рама, сверкающий алым бак, роскошное сиденье из натуральной кожи. Хромированные изгибы руля, сияющая фара – байк был прекрасен так, как только умеет быть прекрасна новая, едва сошедшая с конвейера машина.

Яшка подходил к мотоциклу, затаив дыхание. Но, когда приблизился, заставил себя встряхнуться. На работу надо настроиться, тут ничего не должно мешать. Склонился над зажиганием.

Машины, выставленные в салонах, хороши тем, что противоугонные системы на них не ставят, берегут прошивку для владельца. Проклятые его знает, какую выберет. Надеются на охранную систему салона. Ну, и на то, что угонщиков в Зелёном округе, если верить официальным сводкам, истребили тридцать лет назад... Ха!

Яшка уселся в седло. Мотоцикл под ним заурчал – пока негромко. Пока только готовясь к тому, что умел.

Дальнейшее Яшку не беспокоило. Знал, что удара изнутри бронированное стекло витрины не выдержит, оно защищено только снаружи. Бензин в баке есть, об этом он тоже позаботился. Повреждения на мотоцикле, если и останутся – такие ерундовые, что можно будет даже не отдавать никому, сам зашлифует. На голове у Яшки – шлем, поверх куртки и штанов – защита штурмовых бригад из Тяжёлых времён. Отвалил за неё в своё время столько, что до сих пор сердце кровью обливается... Ну да Проклятые с этим. Осталось немного! Последний рывок.

Яшка отпустил сцепление. Мотоцикл сдержанно рывкнул. – Н-надо же, – донёсся вдруг из-за спины знакомый голос. Яшка резко обернулся.

Он запомнил этого пацана, ещё когда приглядывался к са-

лону. Удивился – на вид ровесник, да к тому же инвалид. Как его сюда взяли-то? Как мама-папа отпустили? Хотя долго он об этом не думал. Вот уж кто в его делах точно не помеха, так это прилизанный хлюпик в инвалидном кресле...

Сейчас в руке у хлюпика Яшка увидел пистолет. И не пу-калку-шокер – настоящий, серьёзный пистолет-автомат.

В Милке пацана за такое сокровище первый же встречный гопник сожрал бы вместе с креслом. Но удивило Яшку даже не это. А то, как пацан держал оружие. Уверенно, привычно, как будто стрелять ему доводилось не раз.

Он снял свои дурацкие очки, и взгляд голубых глаз оказался неожиданно острым. Даже голос у пацана изменился. Исчезла заискивающая интонация, с которой обрабатывал клиентов. Сейчас он говорил так, как мог бы говорить хозяин салона.

– Н-не ждал тебя так скоро. Думал, ещё неделю, н-не меньше, круги наматывать будешь.

– Да я так, – Яшка состроил простодушную гримасу. – В седле посидеть, сфоткаться на память! Когда ещё доведётся-то...

Говорил – а сам быстро соображал, что делать.

Рискнуть? Один поворот рукояти – и вылетит отсюда, только его и видели. Не станет же пацан правда стрелять? Грин – не Милк, они здесь дышат – и то аккуратно, чтобы жалобу не огрести... Или станет? Больно уж привычно оружие держит. Да и ведёт себя так, будто не цветной. А дальность

у пистолета-автомата – ого-го, выпустить ему вслед очередь пацан успеет. И не одну.

Штурмовая защита, конечно, пули задержит. По идее. Если повезёт. Но очередью с такого расстояния прилетит так, что из седла выбьет как нехрен делать... Что такое перестрелки, Яшка знал не понаслышке. И что такое пистолет-автомат, тоже. Иллюзий на этот счёт не питал.

– Я в-выстрелю, – словно прочитав его мысли, подтвердил хлюпик. – Не сомневайся.

– Убьёшь человека? – прищурился Яшка.

– Уб-бью, – спокойно кивнул пацан. – И, кстати, ничего мне за это не будет. Я несовершеннолетний – р-раз. Защищаю свою собственность – д-два.

– Свою? – обалдел Яшка.

– Ага. Это м-мой салон. Стекло в витрине, кстати, не б-бронированное, как ты думаешь. Оно п-прорезиненное. Тебя от него просто отшвырнёт вместе с б-байком, выбить не сможешь. Это недавняя т-технология. Дорогая, потому не самая р-распространённая.

– А чего ж ты тогда управляющему кланяешься? – прищурился Яшка. – Если это всё – твоё?

– П-потому что о том, что оно моё, никто не знает. Салон оформлен на п-подставное лицо. Я несовершеннолетний, не имею п-права ничем владеть.

Яшка ухмыльнулся:

– И ты мне так вот запросто это вчёрсываешь?

– Д-да, – кивнул пацан. – Видишь ли... Так просто я тебя отсюда не в-выпущу. Давно жду, пока судьба сведёт с таким, как т-ты. Поэтому сейчас мы с тобой либо д-договоримся, либо...

– Либо? – насторожился Яшка.

– Либо д-дальше ты будешь со Стражами разговаривать, – пацан указал подбородком на ствол в руке. – Я скажу, что т-ты на меня напал, хотел угнать мот. Т-то, что ты из Милка, и на тебе поддельный б-браслет, станет подтверждением моим словам. Меня, вероятнее всего, даже с-судить не будут... В общем, на твоём месте я бы предпочёл д-договориться. Сле-зай, – пацан махнул пистолетом, указывая на место рядом с собой. – К-камер не бойся. Лишнего не покажут.

Яшка, помедлив, слез с мотоцикла. А хлюпик развернул кресло и поехал через торговый зал в сторону служебного входа. Даже не сказал ничего – так, будто был абсолютно уверен, что Яшка пойдёт за ним.

Он и пошёл. Коридор служебного хода отделял от зала небольшой порожек. Коляска должна на нём ненадолго при-тормозить... Момент Яшка рассчитал правильно. Он кинул-ся на борзого хлюпика сразу, как только колёса кресла до-троннулись до порожка.

Бить собирался сбоку, в висок – чтобы выбить сознание с одного удара. Не учёл лишь то, что инвалид-колясочник может быть готов к нападению.

Пацан резко наклонился вперёд, Яшкин кулак просвистел

у него над головой. А в следующее мгновение руку Яшки перехватили и заломили назад – умело и сноровисто. Чуть слёзы из глаз не брызнули.

– Не д-делай так больше, – приблизив лицо к его лицу и заглянув в глаза, серьёзно сказал хлюпик. – Если ещё раз так сделаешь, мне п-придётся тебя убить. А я не хочу тебя убивать. Я уверен, что м-мы сработаемся.

И они действительно сработались.

Поначалу всё то, что рассказал Яшке в ту ночь Дэн, казалось бредом. До тех пор, пока этот бред не начал сбываться. Пока у Яшки не появился новенький Блейз, и пистолет-автомат, и костюм для тренировочных гонок, и возможность носиться по самым крутым полигонам Мегополиса.

–Т-тебе, наверное, нужны деньги? – спросил у него Дэн в ту ночь – перед тем, как отпустить восвояси.

Яшка расплылся в ухмылке:

– А ты дофига народу знаешь, кому не нужны?

– Увы, – вздохнул Дэн. – Н-никого не знаю. Хватит на первое время?

Он коснулся сенсора в подлокотнике кресла, оказалось, что тот снабжён откидывающейся крышкой. Дэн нырнул рукой в открывшийся тайник и вытащил три сотенные купюры.

Еще полгода назад Яшка и Вэл на эти деньги жили бы месяц. А если не шиковать, то и два. С тех пор запросы подросли, однако три сотни оставались серьёзной суммой.

– Да уж как-нибудь, – буркнул Яшка. – Впритык, но хватит. – Взял купюры, сунул в карман. С прищуром посмотрел на Дэна. – Не боишься, что заберу сейчас бабло и не вернусь?

Дэн пожал плечами:

– А чего мне б-бояться? Я от трёх сотен не обеднею. А ты, если не в-вернёшься – дурак будешь.

Яшка вернулся. Выполнил поручение Дэна и вернулся. Скоро Дэн рассказал ему, как попасть в заброшенные тоннели подземки и вагон, который оборудовал для встреч, чтобы Яшка лишний раз не светился в Грине. Через месяц Яшка привёл с собой Вэла.

С тех пор они не знали нужды ни в чём. А Дэн поставил будущим Ливням всего два условия. Первое: они должны вести себя так, словно ничего не случилось. Никто не должен заподозрить, что в жизни парней что-то изменилось. Второе: они не должны спрашивать, кто он такой, где берёт деньги и так далее. Это – в их же интересах. Меньше знают, меньше выболтают.

Условия Вэл и Яшка выполнили. О том, что у Дэна есть неведомый высокий покровитель, догадывались. Но вопросов командиру не задавали никогда.

За десять лет до описываемых событий

Локация: Красный округ.

Жилой квартал Департамента Здравоохранения

Он назвал его Тедди. Имя придумал не сам, оно было на-

писано на этикетке. Сам Дэн был обделён воображением, об этом мама как-то сказала отцу. А он услышал. Он вообще слышал много такого, чего не должен был слышать. Замечал то, что не должен был замечать. Размышлял. Результаты размышлений озвучивал неохотно, но иногда приходилось.

«Почему ты не слушаешься Мартину, Дэнни? Она жалуется на тебя».

«Потому что Мартина скоро уволится. Она обещала, если я буду весь месяц ходить без капризов на музыкальные занятия, отвезти меня в Развлекательную зону. Но Мартина говорит неправду. Она уволится раньше, чем через месяц. Так же, как уволилась Иоганна».

«О, Святые Стражи! Почему ты так думаешь?»

«Потому что Мартина несколько недель смотрела каталоги свадебных платьев и причёсок. А теперь перестала. У неё счастливое лицо. Она скоро выйдет замуж и уволится».

«Ох, ну что ты несёшь! Ты ещё слишком мал, чтобы разбираться в таких вещах. Но чтобы тебя успокоить, я, так и быть, скажу. У Мартины контракт на два года. Если она уволится раньше, то не получит оплату за месяц, предшествующий текущему, без права подать жалобу. Ты понял, что я сказала?»

Он кивнул, что понял. А Мартина уволилась через шесть дней.

Маму его предсказания пугали.

«Это не ребёнок, Айвен! – говорила она отцу. – Это хо-

дядчий компьютер!»

А отец радовался.

«Ты гений, Дэнни! – говорил он. – Ты умнее меня и всех моих коллег. Настанет день, когда ты заткнёшь за пояс весь мир!»

Плюшевого мишку по имени Тэдди ему подарила мама. В тот день ему исполнилось семь лет.

«Это тебе, Дэнни. Когда-то давно мои родители подарили мне такого же мишку. Я храню его до сих пор, в детстве это был мой лучший друг. А еще раньше похожего мишку дарили моему папе. Это – наш семейный талисман. Я до сих пор доверяю ему свои тайны». Мама улыбнулась, поцеловала Дэна – удивленно разглядывающего несуразную старинную игрушку.

Это было в среду. В субботу в их доме – точнее, в пикниковой зоне перед домом – должен был состояться детский праздник. Приглашения уже были разосланы. Деревья вокруг лужайки специальная служба украсила гирляндами и надувными шарами. Были заготовлены фейерверки, мама пригласила аниматоров. Но праздник не состоялся.

В ночь с пятницы на субботу на дом напали. Дэн видел всё.

Ему не спалось – как бывало нередко, слишком много мыслей крутилось в голове. Он сидел на подоконнике, смотрел в небо, усыпанное звёздами. Знал, что когда-то, до Тяжёлых времен, люди летали туда. Мечтали о том, что когда-ни-

будь увидят другие планеты. Новые миры... Но после Тяжёлых времён в небе остались только спутники, поддерживающие связь, да время от времени мелькали рекламные дроны. Они расцветчивали ночное небо надписями, рекламирующими капсулы для стирки и зубные гели.

Отключать робота-няню, фиксирующего любое его движение, Дэн научился раньше, чем пошёл в школу. Робот давно перестал будить маму сообщениями о том, что ребёнок не спит. И Дэн сидел на подоконнике. Он думал о тех, древних временах. Когда в небо улетали космические ракеты...

Шевеление в саду заметил, но не придавал значения. Решил, что скользнувшие по лужайки тени – всего лишь тени. Мало ли что может быть.

А через минуту безмятежную тишину дома вспорола автоматная очередь.

Глава 8

За десять лет до описываемых событий

Локация: Красный округ.

Жилой квартал Департамента Здравоохранения

Когда Дэн выскочил в коридор, увидел, что двери в комнаты отца и мамы распахнуты, а к нему бежит младшая сестрёнка. Она захлёбывалась криком.

– Дэнни! Мама!.. Дэнни!

Он увидел, что мама лежит в луже крови на пороге своей спальни. А над ней стоит человек с автоматом.

– Уйди, – приказал человек, обернувшись к нему.

На голове у него был шлем, лицо закрыто щитком. Псевдоживой полимерный материал прилегал почти вплотную, повторяя контуры лица. Под щитком оно превращалось в подобие маски.

– Туда, – человек в маске повёл стволом автомата, указывая на комнату Дэна.

Дэн прижал рыдающую сестру к себе. Человек угрожающе поднял автомат. Дэн с сестрой бросились в комнату. Сестра метнулась в его кровать, натянула на себя одеяло. Дурочка... Как будто это может от чего-то спасти.

Дэн подбежал к окну, дёрнул вверх раму. Но та не поддавалась.

Умный дом не позволял детям открывать окна. Это могли

сделать только родители, разблокировав доступ. Дэн схватил крутящийся стул, стоящий у стола, швырнул в окно. Хоть бы что. Стекло даже не дрогнуло.

– Дэнни! – сестрёнка плакала.

Он бросился к ней.

А в следующее мгновение в коридоре послышался шум. На пороге появился отец.

– Нет! – услышал Дэн. – Не трогайте детей! Нет!!!

Тело отца прошила автоматная очередь – слишком громкая для такой маленькой комнаты. Отца швырнуло вперёд, он упал. Сестра сжалась в комок за спиной Дэна.

Человек в маске, появившийся в дверном проёме, повернул неживое лицо к нему и сестре. Обронил в рацию:

– Здесь – только дети. По ним указаний не было. Уходим.

И они ушли.

В момент, когда Дэн отцепил от себя помертвевшие пальцы сестры, вскочил с кровати и подбежал к лежащему на полу отцу, раздался взрыв.

Дэн упал, ударился головой о край стола и потерял сознание.

Сестра потащила его к двери. Она плакала, звала на помощь, но никто не услышал. Няня, кухарка, горничная, садовник – вся прислуга была проходящей, ночью в доме не оставалось никого, кроме их семьи. А на шумоизоляции здесь, как и в других домах, не экономили, соседи не слышали ни выстрелов, ни криков.

Заветная кнопка на браслете: «Если с тобой вдруг что-то случится. Если ты окажешься в ситуации, когда не будешь знать, что делать, просто нажми на неё!» – не работала. Браслет вообще не работал. Позже Дэн узнал, что нападавшие отключили связь.

Балка, рухнувшая с потолка, когда начался пожар, перебила ему позвоночник. Сестре повезло, её не задело. Она надышалась горючих паров и задохнулась, упав на Дэна. А до тех пор, до последней минуты пыталась, надрываясь, вытащить его из комнаты.

На следующее утро весть о том, что произошло в их доме, стала главной новостью Мегалополиса.

«Известный микробиолог, житель Красного округа Айвен Стивен Щусев зверски убит в собственном доме! Его жена погибла! Двое маленьких детей в тяжёлом состоянии госпитализированы!»

Дэн прочитал это в новостной ленте два месяца спустя. На протяжении которых врачи боролись за его жизнь.

«Мы тебя спасли, – спустя два месяца сказал Дэну врач. Новости к тому времени давно сменились другими захватывающими заголовками. До покойного Айвэна Стивена Щусева и его детей жителям Мегалополиса не было уже никакого дела. – Но это – всё, чем мы можем тебе помочь. Твои последние операции оплачивали коллеги твоего отца. На счету вашей семьи денег нет. Вы разорены. Коллеги твоего отца купили тебе хорошее кресло», – врач провёл ладонью по

подлокотнику».

Кресло тогда впервые привезли в палату, Дэну только предстояло в него сесть. В тот момент он ещё не знал, насколько это хороший подарок. И сколько лет проведёт, сидя в кресле.

«Прости, малыш, – закончил врач. – Но это действительно – всё, что друзья вашей семьи смогли для тебя сделать».

Как много сделали для него друзья семьи, Дэн осознал, лишь оказавшись в интернате. Такого шикарного кресла не было большого ни у кого. Возможно, поэтому новые товарищи Дэна невзлюбили.

А ещё, вместе с креслом, врач передал ему плюшевого медведя. Того самого, подаренного на день рождения – который так и не довелось отпраздновать.

«З-зачем это мне?» – спросил Дэн. После пожара он начал заикаться.

А медведь показался издевательством. Напоминанием о том, что ушло из жизни навсегда.

«Так распорядился твой отец. Это его последняя воля».

«От-тец?»

«Да. Незадолго до смерти он попросил, чтобы игрушку передали тебе. Парню повезло, от пожара почти не пострадал». – Врач выдавил из себя улыбку и посадил медведя на колени Дэну.

Медведь и правда почти не пострадал, шерсть оплавилась только на макушке. От медведя пахло гарью.

Позже, став постарше, Дэн ругал себя последними словами. Почему он не спросил у врача, в каком виде отец оставил так называемую последнюю волю?.. Как отец вообще успел сказать хоть кому-то хоть что-то?..

Но это было гораздо позже. А тогда он был слишком глупым. Он просто схватил медведя в охапку и уткнулся в него лицом.

Сквозь запах гари почувствовал запах дома. Мамы, её духов. Ягодного морса, который мама варила сама... И Дэн заплакал – в первый и последний раз в жизни.

В интернате над медведем смеялись – считалось, что это девчачья игрушка. А в одной комнате с Дэном жили взрослые, серьёзные семилетние парни. Большинство из них обитали здесь с самого рождения.

Но Дэн не дал медведя в обиду. Ни в первый день, когда его привезли на кресле в комнату, где предстояло провести девять лет, ни во все последующие. Дэн не чувствовал ног, у него почти не работала правая рука. Зато он был владельцем крепкого, отлично управляемого кресла. И соседи по комнате почувствовали, насколько оно крепкое, в первый же день.

Сестру забрали в другой приют – это было всё, что рассказали Дэну.

«Прошло два месяца, – сказал ему воспитатель – когда Дэн спросил, можно ли позвонить сестре. – Всё это время с девочкой работали психологи. Она ещё маленькая. Она по-

что забыла тот кошмар, который пережила. Я, конечно, не вправе препятствовать вашим встречам. Но подумай сам: ты уверен, что хочешь напоминать ей о том, что произошло? Уверен, что хочешь с ней увидеться?»

Глаза воспитателя скользнули по нему – сидящему в кресле. По его изуродованному лицу и скрюченной правой руке, лежащей на коленях.

«Твоя сестра сейчас среди других детей».

«Не таких уродов, – понял Дэн. – Не нужно лишний раз пугать девочку, она и так напугана».

Больше он о сестре не спрашивал. Плюшевый медведь с оплавленной на макушке шерстью – теперь это была вся его семья. Всё, что у него осталось.

Медведь жил на тумбочке рядом с кроватью. Пацаны-соседи давно прекратили на него покушаться – так же, как и дразнить Дэна. Знали, что не поздоровится.

Невысокий и тщедушный, Дэниэл Айвэн Щусев обладал цепким, расчётливым умом, великолепной памятью и железной волей. Он ничего не забывал и ничего никому не прощал. За обиды мстил решительно и жестоко. С «умником» лучше не связываться – это Дэн, весьма доходчиво, объяснил всем своим однокашникам в первые же интернатские дни. Вероятно, поэтому друзей так и не обрёл.

Единственным его собеседником был медведь. Вслух Дэн с ним, конечно, не разговаривал – не хватало только ещё одного диагноза. Школьный психолог после занятий с Щусе-

вым и без того выглядел так, словно лимонов объелся. Дэн обращался к медведю мысленно – после отбоя, когда соседи по комнате засыпали.

Делился своими размышлениями и сам же придумывал, что услышит в ответ, если требовались подтверждения или возражения. Разговоры с медведем помогали структурировать мысли. После таких разговоров Дэн засыпал спокойно и во сне не видел кошмаров.

Это была ночь накануне дня его рождения. Завтра ему исполнится десять лет. Три года прошло с тех пор, как... но об этом Дэн не позволял себе думать. Он собирался обсудить с медведем совершенно другие вещи, воспоминания о доме давно задвинул в дальний угол памяти. Как обычно, дождался, пока утихнут в кроватях соседи. Сел, подложил под спину подушку и приготовился к разговору. Когда медведь вдруг запел. Стекланные пуговицы-глаза чуть заметно засветились неярким зелёным светом. И полилась мелодия колыбельной. Той, что когда-то, в прошлой жизни, Дэну пела мама...

Дэн застыл. Поначалу решил, что чудится. Когда убедился, что нет, схватил медведя и запихал под подушку. Он понятия не имел, как будет объяснять происходящее пацанам, если кто-то из них проснётся. Подождав и убедившись, что не проснулись, лёг и затих рядом с медведем, накрывшись той же подушкой.

Мелодия закончилась. И раздался голос отца – тихий, как колыбельная.

«Привет, Дэнни. Если ты слышишь это, значит, меня уже нет в живых. Но ты не бойся. Я здесь для того, чтобы тебе помочь. В правом ухе медведя зашита таблетка, съёмный носитель информации. Ты должен достать её и установить в плежер. Подойдёт любая модель, таблетка стандартная. Но ты должен сделать это так, чтобы никто не увидел информацию на экране. Она предназначена только для тебя...»

Ха! Смешно. Отец, видимо, мало знал о порядках, установленных в интернатах для инвалидов. А скорее всего, ничего не знал. Как не подозревал, что его сын может оказаться в подобном заведении.

Личных плежеров воспитанникам не полагалось, ими разрешено было пользоваться только во время уроков и при выполнении домашних заданий. После этого плежеры сдавались воспитателю. За нарушение режима – установку в плежеры контрабандных носителей с фильмами и играми – строго наказывали. Развлечения допускались лишь те, что были предписаны образовательной программой. О том, чтобы воткнуть в плежер вместо стандартной прошивки таблетку, которую Дэн без особого труда извлёк из медвежьего уха, нечего было и мечтать.

Голос отца смолк, глаза медведя погасли. А Дэн задумался. Ему необходимо было раздобыть плежер.

– Я хочу п-принять участие в олимпиаде, – объявил Дэн на следующий день госпоже Кляйнц, едва она вошла в класс.

Он специально поджидал учительницу у дверей.

– Ну, наконец-то! – обрадовалась госпожа Кляйнц.

Учился Дэн лучше всех в интернате, тратя на выполнение домашних заданий едва ли десять минут в день. Неудивительно, в общем-то – программа, по которой занимались в приюте, была рассчитана на детей со способностями средними и ниже средних. А Дэн, под руководством отца, ещё дома прошел за год программу первого и второго классов для одарённых детей. То, что в приюте называли учёбой, казалось ему недоразумением. Олимпиадные задания были лишь немногим сложнее обычных, и до сих пор Дэн попросту ленится заниматься этой ерундой.

– Д-для подготовки мне понадобится дополнительное время. Не могли б-бы вы попросить господина Петровски... – Дэн сделал вид, что смутился.

– О, да! – воодушевленно согласилась госпожа Кляйнц. – Конечно! Я постараюсь объяснить ему, что для занятий тебе будет нужно больше времени.

– Я м-мог бы заниматься во время прогулки или развлекательных ч-часов...

– Во время прогулки – исключено, – покачала головой учительница. – А вот развлекательные часы – уверена, что господин Петровски охотно пойдёт навстречу.

Господин Петровски, старший воспитатель, не возражал. Заподозрить Дэниэла Щусева в том, что он будет использовать плежер в каких-то иных, кроме учёбы, целях едва ли

было возможно, Дэн считался послушным и беспроблемным воспитанником.

Он едва дождался, когда наступит время, выделенное для отдыха, и однокашники отправятся в игровой зал. В учебном классе, где они занимались утром и делали уроки после обеда, сел за стол так, чтобы видеть дверь – на случай, если кто-нибудь решит войти. Дрожащими от волнения пальцами подцепил заднюю крышку дешёвенького плежера. Вынул из кармана рубашки таблетку и вставил в нужный разъём.

Таблетка содержала единственный файл. Дэн коснулся экрана. Рука у него по-прежнему дрожала.

«Привет, Дэнни, – появилась строка. – Я не знаю, что с тобой сейчас, но думаю, что тебе приходится несладко. Запомни: с этой минуты ты не один. Я – твой друг, искусственный интеллект. Я здесь для того, чтобы тебе помочь».

Файл содержал обучающую, а вместе с тем самообучающуюся программу. Не примитив из школьной базы, а что-то гораздо более серьёзное, Дэн даже о существовании таких не слышал. Программа, как выяснилось вскоре, существовала в единственном экземпляре. Её создал отец Дэна специально для него. На всякий случай. От души надеясь, что сыну это никогда не понадобится.

Айвен Стивен Щусев занимался разработкой лекарства, которое предварительно назвал «вечной прививкой». Новая вакцина должна была работать на опережение – не истреблять вирус, попавший в организм, а перестраивать иммун-

ные клетки так, чтобы при попадании вируса иммунитет сам создавал защиту. Отец работал над этим всю жизнь. Вакцина была почти готова, Айвен не успел немного. Совсем чуть-чуть.

Рассказ об этом Дэн прочитал с экрана плежера.

«Кто убил моего отца?» – покосившись на дверь учебного класса, быстро набрал вопрос он.

«Тот, кто не хотел, чтобы твой отец завершил работу».

«Но как можно этого не хотеть?! Это ведь – спасение для всех? Для всего мира?»

«Это сложно объяснить, Дэнни».

«А ты попробуй. Я умный».

«Да, не сомневаюсь. Сложность в том, что твой отец сам доподлинно не знал, кто это. Он знал, что за ним охотятся, об этом его предупредили. Айвен сделал всё для того, чтобы подстраховаться. Но до конца не верил в то, что это случится. Что продолжить его разработки придётся тебе».

«Мне?!»

«А кому же ещё? У твоего отца не было других учеников».

Дэн, не сдержавшись, горько рассмеялся.

«Непростительная оплошность с его стороны. Если бы отец знал, во что превращусь я, сделал бы ставку на кого-то другого».

«Почему ты так говоришь? Что с тобой?»

«Я инвалид. Я не могу ходить, передвигаюсь в кресле. У меня почти не двигается правая рука. Рожа перекошена, ко-

гда говорю – заикаюсь. Но главная беда не в этом. Мозги у меня не пострадали. Беда в том, что я заперт в интернате с такими же убогими инвалидами. Учебные программы для этого заведения составляли конченные дебилы! Когда я выберусь отсюда, максимум, что мне будет светить – работа мусорщика где-нибудь в Оздоровительной зоне. В самом дальнем секторе».

«Ты поправишься. И получишь лучшее образование из всех, что можно представить. Обещаю».

«Здорово, – обещание выглядело так наивно, что Дэн даже развеселился. В свои десять лет он хорошо представлял, сколько может стоить поправка его здоровья. И уж тем более – получение хорошего образования. – Осталось выяснить, каким образом я это сделаю. У меня нет ни гроша за душой. Многим тут, обычно по праздникам, родители и другие родственники переводят какие-то деньги. А я лишён даже этого. У меня не осталось никого, кто мог бы платить за моё лечение и учёбу».

«Ошибаешься. Ты богат, Дэнни. На счетах вашей семьи ничего не осталось, потому что незадолго до смерти твой отец перевел все деньги на счёт, о существовании которого никто не знал. И для того, чтобы ты получил доступ к этому счёту, нужно будет сделать следующее...»

Тот день – десятилетия – стал первой страницей его новой жизни.

Глава 9

За десять лет до описываемых событий

Локация: Зелёный округ.

Специализированный интернат для детей-инвалидов

Если до сих пор казалось, что дни и часы тянутся бесконечно, то с той минуты они понеслись, как сверхскоростной поезд. На связь с обучающей программой – поначалу Дэн называл его Интелем, потом сократил до Инта – он выходил дважды в сутки. В те часы, когда «занимался», якобы готовясь к олимпиаде, и после отбоя, дождавшись, пока утихнут соседи. Если бы у него было больше времени! Сделать предстояло столько всего, что голова кружилась. Но Инт постоянно подчеркивал, как важно соблюдать конспирацию. О его существовании не должна знать ни одна живая душа.

Для начала Дэн получил доступ к деньгам отца. Когда он впервые увидел сумму на счету, захотелось протереть глаза – решил, что ошибся в подсчёте нулей. Айвен Стивен Щусев действительно был очень богатым человеком.

Для того, чтобы у интернатского начальства не возникло подозрений, Инт создал виртуального «друга семьи». Директору интерната пришло письмо о том, что некий господин Зиберман крайне обеспокоен судьбой сына своего лучшего друга, оставшегося сиротой. Он якобы когда-то учился вместе с Айвеном, был близок с ним и его семьёй, но четыре го-

да назад уехал работать за границу, о произошедшей трагедии не знал. Он хотел бы принять участие в судьбе Дэниэла.

– Ты знаешь человека по имени Аугусто Зиберман? – спросил у Дэна директор интерната.

– Да, конечно, – кивнул Дэн. Ещё бы ему не знать. Час назад он сам придумал это имя. – Господин Зиберман был близким другом моего отца. Но он уехал за границу, и с тех пор...

– Господин Зиберман не знал, что с тобой произошло, – сухо сказал директор. Он всегда так говорил, если рядом не было журналистов. – А теперь господин Зиберман хотел бы взять на себя расходы по твоему лечению. Твоим опекунов являюсь я, но по Инструкции обязан спросить у тебя. Ты не возражаешь, надеюсь?

Дэн не возражал. И в тот же вечер получил от господина Зибермана подарок – коробку с интерактивным магнитным конструктором.

У коробки было двойное дно. На дне лежал новенький плежер. Инт подобрал для Дэна идеальную модель – тонкий гибкий экран помещался в его ладони, а при необходимости мгновенно сворачивался в трубку, как тубус. Сворачивать плежер быстрее, чем воспитатель успеет моргнуть, Дэн научился без труда. Хотя, конечно, старался не нарываться и общаться с Интом лишь тогда, когда был уверен, что им не помешают.

За шесть лет в интернате Дэн перенёс четыре сложных

операции и несчитанное количество вспомогательных. Он рос, его тело укрепляли и модифицировали. К шестнадцати годам правая рука Дэна, больше чем наполовину искусственная, работала уже не намного хуже левой. Перекос с физиономии почти убрали. На заикание Дэн махнул рукой, оно не так уж мешало.

Посредством всё того же господина Зибермана, Дэн стал владельцем контрольного пакета акций сети мотосалонов. Он заплатил владельцу одного из них за помощь с организацией шоу под названием «Мальчик из приюта для инвалидов получил работу мечты!» и наконец-то вырвался на свободу.

В опекуны себе Дэн выбрал пожилую родственницу владельца салона. Поселился в её доме – где, помимо него, обитало восемь канареек. Родственница страдала рассеянным склерозом и каждый день знакоилась со своим жильцом заново. В остальном же была совершенно милым существом, канарейки интересовали её гораздо больше, чем Дэн. Его это более чем устраивало.

Официально Дэн работал помощником продавца – в салоне, который по сути принадлежал ему, но об этом не знал даже формальный владелец. А в свободное от работы время шаг за шагом шёл к своей цели. Инт не подвёл – благодаря контрабандному плежеру и обучающим материалам, которые заглатывал тоннами, Дэн действительно получил отличное образование. Он был уверен, что без труда сдаст вступительные экзамены в любой колледж Мегалописа. Но посту-

пать в колледж не собирался. Его целью было не это. Цель он определил ещё в интернате, и первое, что нужно было сделать для её выполнения – собрать команду.

Дэн тренировал не только мозги, тело тоже старался развивать. В первые же полгода долгожданной свободы освоил езду на мотоцикле, модифицированного под его ноги, стрельбу из огнестрельного оружия и навыки самообороны. Он делал всё, на что было способно его убогое тело. Однако очень быстро стало ясно, что, как ни старайся, в одиночку цели не достичь. Для того, чтобы двигаться дальше, нужна команда.

Дэн никогда не работал в команде. Он всю жизнь был один и представления не имел, каким образом люди находят соратников. Вечерами бездумно катался в кресле по улицам Грина, смотрел по сторонам и всё больше склонялся к тому, что придётся каким-то образом выбираться в Милк, искать помощников там. Ни один из проходящих мимо, едущих на скутерах и в такси, гуляющих по бульварам и сидящих в кафе людей не казался достаточно безумным для того, чтобы хотя бы выслушать странного парня, сидящего в инвалидном кресле. А в Милке, судя по тому, что Дэн знал об этом месте, безумцев хватало.

Инт был категорически против посещения Милка. Он был уверен, что Дэн не сумеет пробыть там и часа, оставшись невредимым. Спорили они не один день, и Дэн уже начал потихоньку от Инта подыскивать проводника – человека, ко-

торый мог бы встретить его в Милке, познакомить с нужными людьми, а потом проводить обратно, – когда ему вдруг повезло. В салоне появился Яшка.

Дэн заприметил этого парня сразу, как только тот начал крутиться рядом. Поначалу сам не смог бы сказать, чем Яшка бросился в глаза, он старался вести себя максимально безобидно. И справлялся с ролью неплохо – никто, кроме Дэна, жителя Милка в нём не заподозрил. Что именно привлекло его внимание, Дэн понял много позже. Ему был слишком знаком этот взгляд. Цепкий. Недоверчивый. За свои шестнадцать лет его обладатель успел убедиться: в этом мире ты не нужен никому, кроме себя.

Таким взглядом смотрел по утрам из зеркала взлохмаченный подросток с неподвижной правой половиной лица. Недолго, едва ли пару секунд. Потом Дэн приглаживал волосы, надевал на нос очки, на лицо – дежурную улыбку, и превращался в ассистента менеджера по продажам. За спиной подростка, смотрящего из зеркала, было всё, что пережил Дэн. А любому его ровеснику из Грина, окруженному родительской заботой, обзавестись таким взглядом было негде.

С помощью Инта Дэн пробил Яшкин браслет. И почти не удивился тому, что тот – поддельный.

Яшка появлялся в салоне и рядом с ним ещё несколько раз. Дэн следил за необычным парнем, не отрываясь. За тем, как Яшка осматривается по сторонам – якобы рассеянно, а на самом деле не упуская ни одной детали. И понял, что

зверь, который ему нужен, сам прибежал на ловца.

– Твою мать, да не так! – резкий окрик Яшки внутри шлема. – Резче руль подымай! Рви на себя... Давай, разгон! Пошёл!

Дэн дёргает руль. Сильно и резко, как только может. Мотоцикл под ним – тяжёлый, он рассчитан на взрослого мужчину. Но Яшка ведь справляется! Значит, рано или поздно получится и у него. Рывок!

Мотоцикл отрывается от земли. Полёт. Сердце – которое в этот миг забывает, что нужно биться. До боли знакомое чувство не то восторга, не то паники. Белые светоотражающие риски внизу, на чёрном покрытии полигона. И – есть! Вот оно! После сотни бесплодных попыток мотоцикл преодолел нужное расстояние.

Дэн несётся вперёд. Знает, что нужно остановиться, но как же не хочется! Кажется, что сейчас взлетит сам, без мотоцикла. Просто от счастья, что наконец получилось.

– Молодец, – снова голос Яшки в наушнике. – Будет с тебя толк.

Голос звучит снисходительно, но Дэн знает его уже достаточно давно, чтобы не сомневаться – Яшка доволен.

В тот день в подземке Яшка помог Дэну перебраться с мотоцикла в кресло. Снова похвалил:

– Хорош ты сегодня! Хотя, так-то, тебе сами Стражи ве-

лели лучше меня катать. У меня руки обычные, а у тебя одна – железная.

– Эт-то не железо, а титановый сплав, – поправил Дэн. – Сто раз говорил.

– Дак, тем более! – Яшка со смехом толкнул его в плечо. – Думаю, вот: может, Боцману крылья железные приделать? Чтоб два раза взмахнул, и уже дома. Хоть мозги по дороге клевать не будет... А?

– Нарушение параграфа Инструкции пункт тридцать семь, раздел «цэ»! – возмущенно завопил Боцман. – Насильственное внесение в организм кибернетических изменений!

Дэн представил Боцмана с титановыми крыльями и невольно улыбнулся. Понял вдруг, что впервые не одёрнул Яшку – когда тот полез ему помогать. Впервые не процедил: «Н-не нужно, я сам». И что замечание о «железной руке» прозвучало смешно, а не обидно.

– С-спасибо тебе, – вырвалось у него.

– Да тоже мне, помощь, – Яшка шмыгнул носом. Подумал и вдруг предложил: – Хошь, с девкой познакомлю? Вот это, я понимаю, будет помощница! А то рука у тебя, конечно, железная – но ведь тоже, поди, устаёт. А? – Яшка подмигнул.

– Д-да иди ты! – сообразив, о чём речь, ругнулся Дэн.

Яшка заржал. Закончил:

– Ну, не хошь – как хошь. Надумаешь – говори. Для друга ничего не жалко.

– Д-друга? – севшим вдруг голосом переспросил Дэн.

– Ну. А кого?

Дэн не ответил, неловко отвёл глаза.

Яшка вздохнул. Попенял:

– Дурак ты, Дэнни, хоть и умный. Ну, сам подумай: кабы ты мне не друг был, на хрен бы с тобой возиться? Тренировку откатал, бабло получил, да свалил по тихой грусти. То, что у тебя деньги есть и живёшь ты в Грине, а я тварь бесприютная, ни кола ни двора – без разницы, на самом деле. Что ты, что я – в хер никому не упёрлись. И выходит, всё, что можем – вместе держаться. Вот, как с Вэлом мы держимся. Помнишь, рассказывал тебе про кореша?

– П-помню, – выдавил Дэн. Тоже помолчал. – Ты, кажется, говорил, что можешь привести В-вэла сюда?

– Говорил. Да только ты ж молчишь.

– Б-больше не молчу. Приводи.

«Что с тобой, Дэнни? Ты сегодня какой-то рассеянный. Что-то случилось?»

«Можно сказать и так. У меня впервые в жизни появился друг».

«Вот как? И кто же он?»

«Яшка».

«Яшка? Но это ведь парень из твоей команды?»

«Да».

«Но он не может быть твоим другом!»

«Почему?»

«Потому что ты – его начальник. Яшка обязан слушаться тебя. Подчиняться всем твоим требованиям. Мы ведь с тобой не раз обсуждали, в чём заключается твоя основная задача».

«Он и не отказывается меня слушаться».

«Дэнни. Запомни, пожалуйста! С подчиненными дружить нельзя».

«Ты-то откуда знаешь? Ты же машина».

«Это известный факт. Почитай любое руководство по организации иерархии...»

«Отстань, – оборвал Дэн. – Я не хочу это обсуждать», – и вышел из диалога.

Через три дня Яшка привёл в подzemку Вэла. Вечером того же дня Дэн сообщил Инту, что теперь их в команде трое. Вэлу нужна легальная работа в Грине.

«Хочешь сказать, что и этот парень – твой друг?»

«Да».

«Но ты только сегодня с ним познакомился!»

«И что?»

«В интернате у тебя не было ни одного друга! Даже среди тех, с кем девять лет прожил в одной комнате».

«И что?»

«Дэнни. Мне это не нравится. Когда мы обсуждали планы, речь шла о том, что ты сформируешь для себя команду, которая будет просто выполнять твои распоряжения. О других отношениях речь не шла».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.